

# ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 800:37

**Е. В. ЦУПИКОВА**

Российский государственный  
торгово-экономический университет  
(Омский филиал)

## ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИКИ XX ВЕКА: КОНЦЕПЦИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ И СМЫСЛА

В статье дается краткий обзор концепций разграничения значения и смысла в трудах лингвистов 20 века. Итогом и новизной статьи является вывод об отнесении указанных понятий к области внешней речи и внутренней речи (мышления).

Цель статьи — дать краткий обзор концепций разграничения значения и смысла в лингвистике и показать их отнесенность к сферам внешней и внутренней речи (мышления).

Определилось направление семантических исследований, в которых анализ соотношения языкового и мыслительного содержания концентрируется на понятиях значения и смысла.

Различие между смыслом слова и его значением впервые ввел Ф. Полан в связи с психологическим анализом речи. Смысл слова, как показал Ф. Полан, представляет собой совокупность всех психологических фактов, возникающих в нашем сознании благодаря слову. Смысл слова, таким образом, оказывается всегда динамичным, сложным образованием, которое имеет несколько зон различной устойчивости. Значение есть только одна из зон того смысла, который приобретает слово в контексте какой-либо

речи. Как известно, слово в контексте легко изменяет свой смысл. Значение, напротив, есть тот неподвижный и неизменный пункт, который остается устойчивым при всех изменениях смысла слова в различном контексте. Изменение смысла — основной фактор при семантическом анализе речи. Реальное значение слова неконстантно. В одной операции слово выступает с одним значением, в другой оно приобретает другое значение. Динамичность значения и приводит нас к вопросу о соотношении значения и смысла.

Основной закон динамики значений — обогащение слова смыслом, который оно вбирает из всего контекста. Из контекста слово впитывает в себя интеллектуальные и аффективные содержания и начинает значить и больше, и меньше, чем заключено в его значении, когда мы рассматриваем его изолированно и вне контекста: больше — потому что круг его

значений расширяется, приобретая еще целый ряд зон, наполненных новым содержанием; меньше — потому что общее (обобщенное) значение слова ограничивается и сужается тем, что означает слово только в данном контексте. Смысл слова, говорит Ф. Полан, есть явление сложное, подвижное, изменяющееся в известной мере сообразно отдельным сознаниям и для одного и того же сознания в соответствии с обстоятельствами. В этом отношении смысл слова неисчерпаем. Слово приобретает свой смысл только во фразе, но сама фраза приобретает смысл только в контексте абзаца и т. д. В конечном счете действительный смысл каждого слова определяется всем богатством существующих в сознании моментов, относящихся к тому, что выражено данным словом. Мы никогда не знаем полного смысла чего-либо и, следовательно, полного смысла какого-либо слова. Смысл слова никогда не является полным, и в конечном счете он опирается в понимание мира и во внутреннее строение личности в целом.

В зарубежной психолингвистике обратили внимание на эту проблему Халлидей (1970, 1973) и Ромметвейт (1968, 1972). Они различали два аспекта понятия значения слова: «референтное» значение, то есть значение, вводящее слово в определенную логическую категорию, и «социально-коммуникативное» значение, отражающее его коммуникативные функции. Одно и то же слово имеет значение, которое объективно сложилось в истории и которое потенциально сохраняется у разных людей, отражая вещи с различной полнотой и глубиной, — это «референтное» значение, которое является основным элементом языка. «Социально-коммуникативное» значение — основная единица коммуникации и вместе с тем основной элемент живого, связанного с конкретной аффективной ситуацией использования слова субъектом.

В советской психологии различие значения и смысла было введено Л.С. Выготским в 1934 году [1]. Он выделяет три компонента слова (или высказывания): предметную отнесенность, значение и смысл. Под значением он понимает сложившуюся на определенном этапе развития систему наглядных — ситуационных — или абстрактных — категориальных связей, выполняющих функцию обобщения и делающих тем самым возможным общение людей друг с другом. Смысл слова — третья функциональная сторона слова, не менее важная, чем две первые, — это то внутреннее содержание, которое имеет слово для говорящего и которое составляет подтекст высказывания. Ступенью между первоначальным замыслом и развернутым словесным высказыванием и идиомой, формирующей смысл, является внутренняя речь.

Таким образом, Л.С. Выготский различает «смысловой строй внутренней речи», «смысловое синтаксирование», с одной стороны, и «значения внешних слов», «фазическое синтаксирование», «словесный синтаксис» — с другой. При этом им высказывается мысль о том, что переход от первого ко второму представляет собой ряд последовательных преобразований, осуществляющихся от одного этапа к другому: «Речевое мышление предстало нам как сложное динамическое целое, в котором отношение между мыслью и словом обнаружилось как движение через целый ряд внутренних планов, как переход от одного плана к другому».

Иллюстрируя эти положения, Л.С. Выготский отмечает, что несовпадение психологических и грамматических структур предложения определяется, в

первую очередь, тем, какая мысль выражается в этом предложении. За ответом: «Часы упали», следовавшим за вопросом «Почему часы остановились?», могла стоять мысль: «Я не виновата в том, что они испорчены, они упали» или «Я не имею привычки трогать чужие вещи, я тут вытирала пыль» (мысль не совпадает с речевым выражением, не состоит из отдельных слов — так, как речь).

В области соотношения языка и мышления рассматривается понятие смысла в его отношении к речи и Н. А. Слюсаревой [2]. Смысл определяется ею как особый тип отношения между понятиями — как наличие связи между ними, совокупность связей данного понятия с другими понятиями. Смысл как явление, связанное с деятельностью мышления, имеет экстралингвистический статус, который, по мнению Н.А. Слюсаревой, обуславливается следующими факторами: 1) смысл может быть выражен самыми различными средствами, 2) в пределах одного языка он передается средствами разных уровней языковой системы, 3) он может быть выражен средствами разных языков, 4) смысл может стать понятным не только из сведений, получаемых при помощи языка (имеются в виду явления подтекста, иносказания, внеязыковые средства выражения смысла).

Устанавливая связи между смыслом и значением, автор подчеркивает единство этих соотносительных явлений. Смысл, будучи одной из сторон, характеризующих содержание понятия, выявляется, репрезентируется через значение слова. Он принадлежит к мыслительной сфере и реализуется в значении, относящемся к внутренней стороне языка.

К проблеме соотношения значения и смысла в деятельности общения обращается и В. А. Звегинцев [3]. Он подчеркивает, что значение и смысл не независимы друг от друга. Смысл возможен постольку, поскольку существуют значения, которые тем самым подчиняют мысль определенным ограничениям; значения существуют не сами по себе, а ради смысла; в деятельности общения смысловое содержание всегда представляет собой результат творческого мыслительного усилия, так как формируется в неповторяющихся ситуациях, воплощая в себе соотношение данной ситуации (или образующих ее вещей) с внутренней моделью мира, хранящейся в сознании человека. Когда смысловое содержание преобразуется в предложение, происходит переход соотношения с внутренней моделью мира в соотношение с той объективизированной (лингвистической) моделью мира, которая фиксирована в языке. Таким образом значение — это семантика изолированного слова, а смысл — семантика слова в предложении.

К этому пониманию приближается точка зрения Г. П. Щедровицкого [4], который считает, что на уровне «простой коммуникации» смысл заключен в самих процессах понимания, соотносящих и связывающих элементы текста-сообщения друг с другом и с элементами восстанавливаемой ситуации. Смысл, рассматриваемый в качестве самостоятельной структурной сущности, определяется как та конфигурация связей и отношений между разными элементами ситуации деятельности и коммуникации, которая создается или воссоздается человеком, понимающим текст сообщения. Множество разных ситуативных смыслов выражается через наборы элементарных значений и последующую организацию их в структуры. Конструкции значений и принципы соотношения и совмещения их друг с другом используются индивидами в качестве «строительных ле-

сов» при понимании разнообразных сообщений, то есть в качестве средств при выделении смысла сообщений или даже в качестве основных его компонентов. Значения и смыслы (или процессы понимания) связаны между собой деятельностью понимающего человека и являются разными компонентами этой деятельности.

В.М. Солнцев [5] определяет языковые значения как константы сознания, закрепленные общественной практикой за определенными звуковыми комплексами и тем самым являющиеся не только фактами сознания, но и фактами языка. Значения служат опорами, вехами при формировании мысли, непосредственно участвуют в формировании мысли. Смысл порождается с помощью значений, но не сводится ни к отдельным значениям, ни к их сумме.

Одно и то же слово имеет значение, которое объективно сложилось в истории и которое потенциально сохраняется у разных людей, наряду со значением каждое слово имеет смысл, под которым автор имеет в виду выделение из этого значения слова тех сторон, которые связаны с данной ситуацией и аффективным отношением субъекта: ...В.З. Панфилов [6] также подчеркивает, что содержательная сторона речи и содержание сознания не сводится к сумме значений тех языковых единиц, посредством которых репрезентируется сознание или которые используются в речи.

Н.И. Жинкин [7] понимает под смыслом и значением соответственно семантику внутренней речи и семантику внешней речи. Смысл определяется текстом и репрезентируется значением. В отличие от Л.В. Звегинцева, полагавшего, что смысл представляет собой целостное образование, которое «не может разбираться на части», Н.И. Жинкин выделяет в структуре смысла суппозицию (реализуемую семантику) и пресуппозицию (предполагаемую семантику, не отраженную в предложении). Реализуемая семантика и определяет смысл конкретного употребления слова.

А.Р. Лурия [8] понимает под смыслом «индивидуальное» значение слова, выделенное из объективной системы связей; оно состоит из тех связей, которые имеют отношение к данному моменту и данной ситуации: «...если «значение» является объективным отражением системы связей и отношений, то «смысл» — это привнесение субъективных аспектов значения соответственно данному моменту и данной ситуации».

В слове наряду со значением, включающим предметную отнесенность и собственно значение, то есть обобщение, отнесение предмета к известным категориям, имеется всегда и индивидуальный смысл, в основе которого лежит преобразование значений, выделение из числа всех связей, стоящих за словом, той системы связей, которая актуальна в данный момент».

А.В. Бондарко [9], рассматривая различные концепции соотношения значения и смысла, выделяет наиболее существенное в этих точках зрения и отмечает, что эти выводы вытекают не только из современной литературы вопроса, но и в некоторых отношениях и из языковедческой традиции:

1. Значение представляет собой содержательную сторону определенной единицы данного языка, тогда как смысл (один и тот же) может быть передан разными единицами в данном языке и единицами разных языков, кроме того, он может быть выражен не только языковыми, но и неязыковыми средствами.

2. Значение той или иной единицы представляет собой элемент языковой системы, тогда как конкретный смысл — это явление речи, имеющее ситуативную обусловленность.

3. Из связи значения с языковыми единицами и с системой данного конкретного языка вытекают проявления неуниверсальности языковых значений. Значения языковых единиц разных языков могут не совпадать по своей содержательной характеристике, по объему, по месту в системе. Что же касается смысла, то он не зависит от различий между языками, по своей природе он является универсальным, представляющим инвариантное содержание отражающей деятельности человека.

4. Следствием связи значений с языковыми единицами и с языковой системой в целом является относительная ограниченность состава значений языковых единиц при неограниченности выражаемых в речи конкретных смыслов.

5. Возможность выражения в актах речи бесконечного количества новых смыслов связана с такими факторами, как нетождественность содержания, выражаемого сочетаниями языковых единиц, простой сумме их значений, ситуативная обусловленность смыслов, участие не только языкового, но и неязыкового значения в формировании смысла.

6. Во взаимосвязи значения и смысла существуют отношения средства и цели: языковые значения служат средством (точнее, одним из средств) для выражения смысла в том или ином конкретном высказывании.

7. Значения языковых единиц в акте речи и передаваемый смысл находятся в отношении перекодирования. Направление перекодирования зависит от позиции говорящего и слушающего: говорящий перекодирует передаваемый смысл в значения, а слушающий перекодирует значения воспринимаемых им знаков в смысл (это положение эксплицитно выражено далеко не всеми исследователями, но оно имеет принципиально важное значение и должно быть включено в ряд основных положений).

Подводя итог, можно разделить точки зрения исследователей на соотношение значения и смысла на две группы: 1) смысл — совокупность всех значений слова; 2) смысл — конкретное значение слова в контексте, а значение — вся семантика слова.

Особое место занимает точка зрения Н. И. Жинкина, который подчеркивает, что смысл не касается ни совокупности значений, ни отдельного значения слова. Это явление отнесено им к области внутренней речи. Эту точку зрения разделяет и Л.С. Цветкова [10].

Смысл определяется им как неформальное сочетание двух конкретных слов данного языка. Смысл — «такой информационный ряд, который может быть преобразован в последовательность синонимически заменяемых слов, но сам не является рядом слов, и такой, который ограничивает информацию определенными рамками, в пределах которых начатый ряд может быть продолжен». Все слова могут быть преобразованы в смысл, и наоборот. Таким образом, смысл — это код. Минимальная единица смысла перекодируется в два слова, про которые говорят, что они связаны по смыслу.

Смысл является интегралом значений. Отдельное слово имеет значение, предложение — смысл (неточный); и только в тексте мы можем найти точный смысл, соответствующий замыслу говорящего. Контекст задает различие прямых и переносных значений; смысл определяется пресуппозицией. Текстовый смысл идентифицируется во внутренней речи.

Таким образом, по Н.И. Жинкину, семантика внешней речи — это значение, семантика внутренней речи — смысл. Значение определяется парадигматическими и синтагматическими связями слов (оно фиксируется в словарях), а смысл определяется текстом (речевой ситуацией). Например: *Иван продал лодку Петру*. С точки зрения значения, *Иван (Петр)* — это человек, *продал* — обменял на деньги, *лодка* — плавательное средство, а с точки зрения смысла, *Иван* — продавец, *Петр* — покупатель, *лодка* — товар. Таким образом, значение единиц предложения репрезентирует его смысл. Семантика слова *продал* представляет собой нейтрализацию значения и смысла.

Во внешней речи отражается лишь часть семантики внутренней речи. Смысл внутренней речи, отражаемый в предложении, получил название суппозиции. Та часть смысла (семантики внутренней речи), которая не отражена в семантике предложения, но которая подразумевается им, получила название пресуппозиции.

Таким образом, внутренняя речь служит механизмом смысловой организации мышления и внешней речи.

#### Библиографический список

1. Выготский Л. С. Мышление и речь // Собр. соч., т. 2.
2. Слюсарева Н.А. Смысл как экстралингвистическое явление // Как подготовить интересный урок иностранного языка. — М., 1963.
3. Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. — М., 1973.
4. Щедровицкий Г. П. Смысл и значение // Проблемы семантики. — М., 1974.
5. Солнцев В.М. К вопросу о семантике, или языковом значении. // Проблемы семантики. — М., 1974.
6. Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания. — М., 1987.
7. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. — М., 1982.
8. Лурия А.Р. Язык и сознание. — М., 1979.
9. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. — Л., 1978.
10. Цветкова Л.С. Мозг и интеллект. — М., 1995.

**ЦУПИКОВА Елена Викторовна**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Экономика».

Статья поступила в редакцию 28.10.06 г.

© Цупикова Е. В.

УДК 659.4

**Г. М. НИЯЗОВА**

Тюменский государственный университет

## О СООТНОШЕНИИ ЭТНОЛИНГВОФУНКЦИОНАЛЬНОЙ АРХЕГЕНИИ И АНАРХЕГЕНИИ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Целостность информационного пространства находится в прямой взаимосвязи от социолингвистического аспекта изучения становления форм дискурсивного поведения, на которое влияет необъятное число социальных факторов. Ни для кого не секрет, что «четвертой властью» в России называют средства массовой информации. Способность СМИ формировать общественное мнение и влиять на него не вызывает сомнений. Но в условиях, когда средства массовой информации фактически становятся коммерческими предприятиями, вынужденными зарабатывать самостоятельно, социальная функция телевидения ослабевает. Под социальной функцией мы подразумеваем информирование, просвещение, в том числе и в этнокультурных и этносоциальных вопросах. По сути, этот круг тем является свободным. В том смысле, что освещать события в жизни представителей разных национальностей или нет, в каком именно ключе их освещать, какие аспекты жизни этносов выбирать и, что самое важно, какую позицию в этом вопросе занимать — это зависит от редакционной политики каждого конкретно взятого средства массовой информации.

По тому, как строит свое дискурсивное поведение человек, можно судить об уровне его речевой компе-

тенции. В современных условиях для каждого СМИ важно не просто о чем-то написать или снять сюжет. Важно, так выстроить свой дискурс, чтобы эта информация дошла до зрителя и заинтересовала его. Поскольку существуют каналы за счет рекламы, стоимость рекламы зависит от рейтингов, а рейтинг — это и есть количество зрителей, посмотревших ту или иную программу. До некоторых пор в Тюмени подсчет рейтингов можно было назвать условным. Но сегодня от реальности не уйти, телезамерами занимается авторитетная компания «GALLOP — Media TNS».

Итак, не просто снять сюжет, сделать программу, а снять так, чтобы было интересно всем — и тем, кого волнуют межэтнические отношения, и тем, кто занимает пассивную социальную позицию. Здесь стоит отметить, что вот уже несколько последних лет в России наблюдается кризис информационного вещания. Это связано с перенасыщением информационных выпусков негативной информацией (взрывы, убийство, насилие, катастрофы, террористические акты) и даже в какой-то мере смакованием кровавых подробностей. Закономерная психологическая реакция зрителя — уход. На фоне этого наблюдается рост популярности развлекательного телевидения.

В частности, канал СТС на протяжении последних трех лет занимает устойчивую 2–3-ю позицию по общему объему телесмотрения в России. Отсюда возникла необходимость создать некую новую форму подачи информации. Её назвали «инфотеймент». Это компиляция двух английских слов «information» — информация и «entertainment» — развлечение. Таким образом, задача телевидения в сложившихся условиях — развлекая, информировать или информировать, развлекая. Принципиальной разницы в этих двух вариантах перевода, по нашему мнению, нет. У такого способа подачи информации есть несколько особенностей. Заметим еще, что язык телевизионной речи не часто становится предметом исследования в силу сиюминутности и моментальности произношения. В то время как печатные материалы можно перечитывать необходимое количество раз. Итак:

**1. Лексические особенности.** Новый жанр требует от журналиста особого — свободного — владения языком и всеми его лексическими и изобразительными возможностями. Приведем примеры из видеосюжетов рассматриваемой нами тематики:

«**Климат здесь холодный**, — говорят дети Кавказа, — зато **души людские — самые теплые**» — сопоставление (тележурнал «Точнее» от 2 мая 2006 года, сюжет о национальном празднике грузин в 69-й тюменской школе);

«Мигранты **тянутся** в Тюмень» (тележурнал «Точнее» от 25 мая 2006 года, сюжет о расширении квот трудовым мигрантам);

«Великое смешение народов на площади за Дворцом культуры «Строитель». Здесь прошел 11-й фестиваль «Мост дружбы». **У нашего моста опоры крепкие. Это 19 национально-культурных автономий**» — (тележурнал «Точнее» от 26 сентября 2005 года, сюжет о фестивале «Мост дружбы») — метонимия;

«Рядом **немцы и ненцы**» (Тележурнал «Точнее» от 26 сентября 2005 года, сюжет о фестивале «Мост дружбы») — аллофоны;

«Сибирская ветвь дала на российском татарском древе мощные отростки. Это — творчество тюрколога Хамита Ярми и поэта Булата Сулейманова. Первый изучал и развивал родной язык. Второй стал первым национальным поэтом, чьи стихи появились в толстых литературных журналах...» — (Тележурнал «Точнее» от 11 марта 2005 года, сюжет о днях татарской культуры) — метафора, языковая игра.

**2. Синтаксические особенности.** В основном тексты состоят из простых предложений, количество слов, учитывая порог внимания, — 11. Часто используются эллипсисы. Минимум деепричастных и причастных оборотов. Практически полное отсутствие сослагательного наклонения. Практически полное отсутствие назывных, безглагольных предложений. **Особенности композиционного построения видеоматериалов.** Жанр «инфотеймент», помимо традиционных — завязки, кульминации, развязки, предполагает раскрытие основной темы через деталь, историю героя, историю предмета и т.д. Композиционной особенностью может быть открытый финал.

**3. Особенности выбора темы.** Жанр «инфотеймент» предполагает особый подход к тематике. Гармонизации межэтнических отношений, осведомленности всех членов общества о жизни, традициях и обычаях народов, которые живут рядом, служат рассказы не только о фестивалях, конференциях, круглых столах по заданной тематике. Гораздо больший интерес вызывают сюжеты о национальной кухне, жизни конкретно взятой национальной семьи, конкретном национальном обряде. Для более

точного понимания последних журналисты используют такой прием, как соотнесение обрядов, ритуалов с русскими версиями. Поскольку календарный цикл у разных народов не сильно уже и отличается. В качестве примеров можно привести следующие сюжеты, вышедшие в эфире канала «Ладыя — СТС»:

«**Правильная свадьба**» — сюжет о свадьбе имама — мухтасиба Ярковуского района, которая прошла по татарским законам;

«**История для всех**» — сюжет о еврейском празднике Пурим с включением фрагментов истории еврейского народа в контексте истории Сибири;

«**Восток — дело тонкое**» — сюжет о правилах поведения и этикете восточных стран в помощь туристу;

«**Настоящая мама**» — сюжет о многодетной матери, татарке по национальности, которая прививает детям татарские традиции и обычаи;

«**Танцуют все!**» — сюжет о национальных дискотеках в Тюмени.

Как показывают исследования, жанр «инфотеймент» находит понимание и приятие у зрителя. По данным компании «**GALLOP — Media.....**», программы канала Ладыя — СТС занимают лидирующие места в рейтинге телесмотрения региона [Солоницына, 2006].

В освещении этнических проблем региональным телевидением есть еще один аспект, которого невозможно не заметить. Анализ сюжетов показывает, что такие составляющие этнической темы, как трудовая миграция и просто миграция, имеют ярко выраженные особенности. К примеру, проблема миграции в аспекте «жизнь и адаптация национальностей» имеет ярко выраженную положительную окраску. Это выражается как в подборе речевого ряда, так и визуального. В кадре — счастливые лица, яркие национальные костюмы, обряды, традиции, элементы вполне мирного и устроенного быта. В сюжетах подобной тематики — первый синхрон (в телевизионной журналистике это фрагмент интервью) обычно от представителя того народа, о котором идет речь.

Между тем сюжеты, связанные с вопросами трудовой миграции, имеют либо строго «официальный тон», либо легкий негативный. И здесь уже слово (синхрон) в первую очередь имеет представитель государственных органов. А представитель национальности может даже вообще не появиться.

Еще заметим, что в 2002 году в обиход неправительственных организаций и журналистского сообщества вошло новое понятие — «язык вражды», вольный перевод английского термина «hate speech». Оно возникло, когда 4 московские правозащитные организации — Информационно-исследовательский центр «Панорама», Московская Хельсинкская группа, Фонд защиты гласности, Центр развития демократии и прав человека — начинали свой проект «Национализм и ксенофобии в российских СМИ — мониторинг и общественные действия». Его цель — отследить язык вражды в СМИ. Хочется отметить, что язык вражды в том понимании, которое было предложено этими организациями (националистические высказывания и публикации, журналистская небрежность и некорректность в освещении вопросов межэтнической коммуникации), в исследуемом СМИ не зафиксирован. Заметим также, что язык вражды и язык толерантности — это не узко лингвистическая проблема. Ибо говорить мы можем «правильные слова», но есть невербальные средства информации, есть интонация, которые в случае отсутствия толерантной позиции журналиста будут играть «от обратного».

Анализируя эти программы, можно констатировать следующее: конструирование личности идет на основе **архегении** как идеального прообраза естественного развития. Например, есть идеальный прообраз развития березы, а есть искаженный — из-за погодных условий, влияния человека и пр. Это — «платоновская» идея, вернее, дополнение к античным «идеям», хотя в античности идеи развития как таковой не было (античность статична, самодостаточно) — она появилась позже, в христианской устремленности к идеалу. В применении к сознанию человека архегения обозначает здоровое и нравственное развитие. Исходя из этого, как правило, в программах представлены колоритные, не вызывающие сомнения в этнической идентификации участники. Так, в Тюменской области одну из первых строчек по численности занимают украинцы, которые, в принципе, близки русским по многим позициям. Зачастую в отношениях между русскими и украинцами часто сбивает с толку их внешняя «похожесть», но следует учитывать, что представитель каждой культуры смотрит на мир своими глазами, которые не похожи на других. Действительно, набор сходных базовых ценностей не отменяет различий, связанных с особенностями материальной культуры, образа жизни, стереотипов бытового поведения, представлений о жизни, а также с особенностями бытового поведения.

Например, всеми исследователями отмечается, что украинцам свойственны напористость; деловая активность и настойчивость; старательность, аккуратность и исполнительность; стремление обязательно добиться желаемого результата; самостоятельность; повышенная потребность в самовыражении и одобрении других.

Эти качества отмечаются и в художественной литературе: «...Интересна ценностная интерпретация некоторых элементов зоны отдыха с точки зрения отраженности в них национальной специфики общения.

Операторы [предприятия] — в основном украинцы. К числу особенностей их национального характера можно отнести: обстоятельность, нелюбовь к спешке, активность, раскованность поведения, честолюбие, желание показать себя, капитальность («визмэш в руки — маешь вещь», утонченные, изящные вещи ассоциируются у них с «не мужскими»), бережное отношение к вещам и т. д.

...Массивность, огрубленность форм... соответствуют представлению украинцев о капитальной, «мужской» вещи. Отсутствие... опоры для спины также удовлетворяет украинскому стереотипу поведения (для них характерна поза «кучера», им несвойственна русская «завалинка»). Заниженность (по высоте) горизонта общения, горизонта восприятия окружения — одна из особенностей, отличающая украинцев от остальных представителей юго-восточных славян. Украинцы не склонны беседовать «сложь руки», любая их беседа сопровождается непринужденной моторной активностью...

Украинцы, в отличие от белорусов, не предрасположены к созерцанию, уединению. Отдыхая, они стремятся продемонстрировать удачу, веселье, любят танцы и музыку... Пристрастие украинцев к спорту, особенно к велосипедному и тяжелой атлетике, очевидно.

...Соперничество украинцев — это противостояние людей, желающих и умеющих показать себя, свою силу, ловкость и умение.

...Следует отметить, что украинцы любят обедать основательно и к необходимости перекусывать (бутербродами и пр.) относятся с неодобрением.

...К хозяйке на Украине относятся уважительно, но место ее в дальнем конце стола, на втором плане. Само обслуживание стола традиционно относится к «не мужскому» делу. Понятно, что сегодня это не носит столь острого характера, как раньше. И тем не менее... ценность смысла равенства восходит у украинцев к Запорожской Сечи, «мужской вольницы». Казак, приготавливающий обед, был там хозяином ситуации. Украинцы в своем большинстве меркантильны, злопамятны, мстительны. Высоко ценят комфорт, любят поесть.

Во всех делах украинцы стремятся отличаться, быть в числе первых, быстрее других достичь успеха, как можно скорее закрепить его и развить. Украинцы быстро адаптируются к новым условиям, легко находят взаимопонимание с представителями других наций». Самое удивительное, что эти строки относятся к главе, посвященной эргономической разработке диспетчерского пульта крупного химического предприятия [Романов, Туркина, Колпашиков, 1986].

Современные исследователи украинского характера, говоря о характерологических чертах украинской нации, указывая на такую из них, как «комплементарность» (сопереживание, приязнь, симпатия), видят и существенные негативные стороны, связанные с «пограничностью» Украины, долговременным отсутствием государственности. Она обозначается как «комплекс меншовартості», связанный с признанием недостаточности своих национальных черт по отношению к другим народам, которая сложилась в силу разных исторических обстоятельств. Именно на этот комплекс ориентируются российские СМИ, формируя образ украинца в российском общественном сознании. Нельзя не согласиться, что созерцательная, а не активная позиция, настороженное отношение к среде («моя хата з краю, нічого не знаю», «поперед батькі не лізь в пекло», «тихше води, ніжче трави»), ориентация на общественные отношения в основном на уровне семейных, соседских («толока») — таковы некоторые наиболее часто указываемые характерные стороны украинцев, которые используются для формирования негативного образа народа-соседа. С «комплексом меншовартості» связан и «комплекс кривди», обиды, которая может вызывать неадекватную, агрессивную реакцию на действительные или мнимые причины «меншовартості». На наш взгляд, этому способствовали образы Перепелицы и других украинских героев в советском кинематографе. Наиболее распространенным стереотипом об украинцах в советские времена было мнение, что их, т. е. нас, не существует вообще, следовательно, украинский национальный характер ничем не отличается от русского. При Союзе образ украинца подавался как эдакого очень милого, хитроватого, доброго салоеда. В советском кинематографе это всегда такой вороватый и разбитной старшина.

И тогда, и сейчас ходили и ходят анекдоты об украинцах, сале и галушках. Особенно культивировался образ Пацюка из «Ночи перед Рождеством» Гоголя, которому вареники сами прыгали в рот. На Полтавщине, родине Гоголя, в годы застоя лицо этого сытого, ленивого, отвратительно толстого хохла было изображено буквально на каждом столбе. По словам одного из специалистов по пропагандистским акциям, который не захотел светиться, так навязывали мнение о пассивности и безволии. Но образ казака с огромным брюхом, которому в рот летят вареники, до сих пор доминирует в самоидентификации украинцев. Кто не верит — может пойти на Андреевский

спуск и посчитать, сколько в различных вариациях этот ненасытный казак попадает в сувенирах «национального» стиля. В связи с этим нельзя не вспомнить музыкальное шоу «Ночь перед Рождеством», показанное на 1 Канале в новогоднюю ночь, где этнические стереотипы представления о русских, украинцах, немцах, евреях были представлены ярко и красочно, причем с акцентуацией на негативных чертах характера, поданных в гротескной форме.

К сожалению, в большинстве случаев различные новостные спецрепортажи в той или иной степени продуцируют те же стереотипы, что не способствует, на наш взгляд, формированию толерантности в российском обществе, но таким способом стараются показать многообразие форм, в том числе и этнических. Соответственно, **анархегения** — это реальный образ развития, как мы можем воспринимать его органами чувств и в определенной мере отклоняющийся от естественного.

Поэтому применительно к развитию психики человека в этнолингвофункциональном подходе к информационному пространству **этнолингвофункциональная психическая архегения** — это идеальный прообраз развития психической жизни человека в конкретной этнокультуре. Другими словами, это **филогенез психики человека**, который в данном подходе понимается в рамках данной этнокультуры. Именно на активизацию этнолингвофункциональной архегении нацелены передачи, освещающие национальные праздники, торжества, вечера культуры, газеты на национальных языках. Можно сказать, что воссоздается идеальная языковая и культурная среда, благоприятствующая пробуждению так называемой «родовой памяти», способствующей формированию различных форм идентификации у индивида.

Успех речевого общения зависит от согласованности речевых действий самих участников. Несмотря на множество условий, одной из таких необходимых составляющих является общий, единый для всех участников коммуникации языковой код. Между тем в конкретных условиях общения абсолютная идентичность кода, используемого всеми участниками коммуникации, — явление крайне редкое. Для информационного пространства полиэтнического региона характерна неоднородность языкового кода разной степени.

При, казалось бы, разнородном, хаотичном материале современного информационного пространства (которое иначе еще называют «информационной помойкой») весь материал четко структурируется в зависимости от этнолингвофункциональной согласованности языкового сознания личности, а именно:

1) коммуниканты владеют разными языками: каждая из сторон предполагаемой коммуникации говорит (пишет) только на своем языке и понимает только его. Это достаточно небольшая группа населения, которую представляют уходящая группа старшего по возрасту населения и прибывающая группа мигрантов из специфических стран и государств, практически не знакомых с русским языком. Именно для них создаются специальные передачи в метрополии, которые затем транслируются в другие государства. Кроме того, это строго ориентированные по языку сайты и т.п.;

2) коммуниканты владеют каждый своим языком, а кроме того, понимают язык собеседника (но активно им не владеют); относительное речевое общение и взаимопонимание возможно. Это ситуация между

«продвинутой» молодежью, говорящей (кроме русского) с большой примесью английского языка, и, например, представителями других возрастно-социальных групп;

3) коммуниканты владеют двумя или более общими для них языками, при этом для каждого из них один из языков может быть родным, но для процесса коммуникации это не имеет принципиального значения, поскольку общение может происходить то на одном, то на другом языке по взаимному согласию сторон. Таково, например, общение в диаспорах, а также в диаспоральной прессе, теле- и радиовещании;

4) коммуниканты владеют каждый своим (обычно родным для хотя бы одного участника) языком и, кроме того, одним и тем же языком-посредником; речевое общение осуществляется при этом с помощью языка-посредника. Такова, например, роль английского языка в современном мире, роль русского языка на постсоветском пространстве и т.п.;

5) один из коммуникантов, помимо своего родного языка, владеет языком собеседника, в то время как собеседник либо не знаком с языком первого, либо знает его недостаточно; речевое общение происходит только при помощи второго языка (например, общение русских и представителей других национальностей). Такие асимметричные коммуникативные ситуации чреваты некоторыми психологическими и психолингвистическими особенностями: разговор на другом языке в присутствии третьего, не знающего этот язык, может привести к коммуникативному дискомфорту последнего;

6) все участники речевого общения принадлежат к социуму, использующему один национальный язык. Однако одни из них владеют преимущественно или исключительно подсистемой 1-1, другие — подсистемой 1-2, третьи — 1-3 и т.д. (т.е. местным диалектом, городским койне, литературным языком). Таковы СМИ, например, ориентированные на молодежную субкультуру (ж-л «Дождь», ж-л «Тюменские непогоды» и т.п.);

7) различия между коммуникантами могут касаться не собственно набора языковых единиц, а набора расхожих коммуникативных стереотипов, используемых в тех или иных ситуациях общения. Различия в стереотипах также могут приводить к взаимонепониманию или коммуникативному дискомфорту, особенно на стадии установления речевого контакта. Эти стереотипы указывают на принадлежность к определенному классу.

Исходя из этого, можно говорить, что этнолингвофункциональная психическая архегения является идеальным образом **этнической идентичности человека**. Этнолингвофункциональное определение понятия **этничности** в рамках нашей методологии — это идеальное соответствие человека всем мыслимым этническим признакам (т.е. **этнолингвофункциональной архегении**). **Этнолингвофункциональная анархегения** определяется как реальное психическое и лингвистическое развитие конкретного человека в определенной этнокультуре.

Мы полагаем, что этнолингвофункциональное психическое развитие человека (архегения) соответствует общему плану филогенеза его психики и характеризуется лингвистическими, культурными, пространственными и временными параметрами. В частности, для полиэтнического региона России это развитие может быть описано в виде последовательных стадий: 1) сказочно-мифологической, 2) религиозно-этической и 3) научно-познавательной. Данные

стадии соответствуют общему плану развития русской культуры — от языческого периода — к христианству и затем — к современной цивилизации и научному мировоззрению. Эти стадии не являются иерархически соподчиненными — они указывают лишь на начало развития того содержания, которое обозначено в их названии. Каждая из этих стадий требует особого дискурса в зависимости от целевой группы.

**Этнолингвофункциональное рассогласование** элементов содержания стадий психолингвистического онтогенеза может быть связано с регионом рождения и проживания конкретного человека. Например, в содержании отношений к собственной внутренней и внешней среде ребенка, родившегося и проживающего в Сибири, преобладают сказочно-мифологические представления народов Америки, Европы, Азии. Или же сам ребенок не переносит зиму, хочет жить в теплых краях, там, где нет зимы. Сюда также можно отнести выпадение той или иной стадии из психического онтогенеза того или иного человека. Например, из-за особенностей воспитания ребенка в его развитии «выпадает» сказочно-мифологическая стадия. Минувя «эстетический период», это развитие несвоевременно переходит к императиву «ты должен», т.е. к «этическому периоду» [Зеньк., с. 65-70]. В таком случае эмоционально-чувственная сторона отношений ребенка не успевает сформироваться, и нравственное воспитание превращается в морализирование. Данный тип нарушения мы вслед за А.В. Сухаревым называем «перегрузкой» религиозно-этической стадии [2004]. В результате «обвал» информации по другим странам и народам в СМИ закрепляет образ слабой родной страны, формируя негативную или плавающую этничность у потребителя такой информации.

Не вызывает сомнений, что для формирования гармоничной личности необходимо сохранение последовательности предоставления информации этнического характера. Как справедливо отмечают современные психологи и психолингвисты, нарушение последовательности стадий психического онтогенеза происходит, в частности, если вместо определенных воспитательных усилий по нравственному воспитанию на религиозно-этической стадии психического развития ребенку предлагаются «технологические» компьютерные игры и т.п. [Седов, 2004, Сухарев, 2004]. Вариантом нарушения последовательности является, например, «забегание» религиозно-этической стадии перед сказочно-мифологической или одновременное их начало. К сожалению, приходится констатировать, что в современном информационном пространстве традиционная для русских сказочно-мифологическая стадия практически исчезла. Так, вместо передачи «В гостях у сказки» детям предлагают мультсериалы о коте Томе и мышке Джерри, о моющей губке Бобе.

Этнолингвофункциональная архегения является идеальным прообразом развития системы отношений человека к расово-биологическим, культурно-психологическим, климато-географическим и нравственно-конфессиональным этническим признакам и в теоретическом приближении является **психолингвистической нормой (здоровьем)**. **Этнолингвофункциональными критериями** соответствия этому прообразу являются данные таких наук, как этнология, культурология, история, филология, фольклористика, религиоведение и др., а также образы искусств, поэзии, литературы, музыки и другие. Этнолингвофункциональная архегения психики человека от-

ражает развитие мышления человека (его филогенез в конкретной этнокультуре), поэтому информационное пространство современности должно строиться в соответствии с этими стадиями, которые каждый человек проживает с момента рождения, становления и взросления. Таким образом, этнолингвофункциональная архегения составляет психолингвистическую сущность человека в определенной этнокультуре.

Важность этих процессов была подтверждена экспериментально и психологами, и лингвистами. Так, результаты экспериментально-психологических, клинко-психотерапевтических исследований и формирующих психолого-педагогических экспериментов показали, что психическая и психосоматическая дезадаптированность достоверно усиливается с нарастанием в психике испытуемых этнофункциональных рассогласований и нарушением последовательности этнофункциональных стадий их психического развития (т.е. с усилением выраженности степени этнолингвофункциональной психической анархегии). В свою очередь, психотерапевтическая проработка этнофункциональных нарушений этого развития достоверно повышает степень психической и психосоматической адаптированности человека [Ковалев, 1995; Коробейников, 1997; Седов, 2004; Сухарев, 1996-2004].

Степень выраженности этнолингвофункциональной анархегии может определяться как количеством нарушений этнолингвофункционального развития и является показателем степени психической дезадаптированности человека, его здоровья, нравственно или общественно отклоняющегося поведения, так и внутренней согласованностью, целостностью различных сторон отношения личности к этнолингвофункциональной архегии.

Таким образом, современное информационное пространство должно продуцировать модели здорового поведения в обществе.

Важнейшим понятием этнолингвофункционального подхода, характеризующим архегению человека, является этноид. Этноид определяет степень расхождения этнолингвофункциональной архегии и этнолингвофункциональной анархегии: степень анархегичности этноида.

В соответствии с понятиями архегии-анархегии личность, представленная в современном информационном пространстве, может иметь две направленности: 1) **архегичная личность**, которая имеет направленность к этнолингвофункциональной архегии, на восстановление пространственной и исторической целостности мышления, повышение степени организации психики, усложнение структуры поведения человека; 2) **анархегичная личность**, которая имеет направленность на этнолингвофункциональную психическую анархегию, разрушение психолингвистической целостности, снижение степени организации психики, ее расстройство, упрощение структуры поведения человека. Возрастание степени анархегичности этноида определяет направленность личности человека от его психической сущности на «личину», уход от самого себя к множественной личности, не укорененной в собственной психической сущности.

Диапазон изменения степени анархегичности этноида можно проиллюстрировать на следующем примере родственных слов (при рассмотрении религиозно-этической стадии). Выстроим следующую иерархию: *личина* (ей соответствует множественная, распавшаяся личность) — *лицо* (целостная, развива-



ющаяся личность) — лик (сущность). Личина множественна и жива; лицо может меняться, но так или иначе отражает сущность человека; лик и есть его сущность (лик — архегеничен), он может быть только у святого, в нем виден образ Божий. Когда мы читаем о Христе: «...Он учил их как власть имеющий, а не как книжники» (Евангелие от Марка, 1, 22) в греческом оригинале, это означает не «власть имеющий», а «exusia» — «исходящий из сущности». Нравственный смысл архегеничной личности на религиозно-этической стадии ее развития — обращение к Богу (к сущности), а анархегеничной — отвращение от Бога. Соответственно, сущностью на сказочно-мифологической стадии является душа природы, ее образы и стихии — плачущие березы, грозно нависшие тучи, леший, водяной и т.п. — природа радуется, страдает, как писал Ф.И. Тютчев, «в ней есть душа, в ней есть свобода, в ней есть любовь, в ней есть язык». Эмоционально-чувственное и сказочно-образное восприятие природных стихий на сказочно-мифологической стадии, на религиозно-этической наполняется нравственным смыслом: вода имеет уже освящающую функцию, земля (в русской культуре) олицетворяется Богородицей и т.п.

Степень расхождения (рассогласования) между этноидом и этнолингвофункциональной архегенией человека характеризует степень диссоциации его внутренней и внешней среды. Наиболее сильной степенью выраженности этнолингвофункциональной анархегении является отсутствие содержания стадий психического развития (фактически — отсутствие какого-либо воспитания — случай «Маугли»). Относительно менее патогенными являются различные варианты сочетания этнолингвофункциональной рассогласованности содержания стадий развития с нарушением их последовательности и т.д.

Итак, сознание человека, как «внешний мир» коммуникации, также является системой, использующей смысл для связи своих динамических элементов — переживаний. Как справедливо отмечает Н. Луман, «адресат коммуникации не имеет под собой «субстанционального», «субстратного» начала, а является лишь схемой различения, кодом, фикцией, функцией которой — организовать порядок в хаосе переживаний» [2005: 242].

Коммуникации являются определенной субстанцией реальности. В процессе утверждения определенной идентичности человека или его сознания информационное пространство занимает важное место, поскольку порождает реальность, а также схемы, посредством которых осуществляется личностная идентификация. Таким образом, массмедиа внушают чужой опыт, вторичные переживания, нечто аутентичное, вторичное, сначала пережитое кем-то другим, но одновременно обеспечивают индивидуальное наблюдение при помощи этого различения аутентичное/вторичное, а тем самым позволяют создавать и/или отличать «мою» подлинную, «мной» переживаемую реальность.

#### **Этническая маргинальность в современном информационном пространстве**

Как было показано выше, проблемы, связанные с массовыми миграциями и развитием средств массовой информации в современном мире, существенно характеризуются понятием «маргинальной» личности. Отметим основной смысл данного понятия для нашего подхода.

Это понятие было введено Р. Парком [Park R., 1932]; несколько позже концепция маргинальности была

развита Э. Эриксоном [Stonequist, 1960]. В маргинальной психике стандарты, стереотипы поведения, духовные ценности различных групп приходят в противоречие, отражаясь в ней в форме внутренних конфликтов, состояния тревоги, напряженности.

Стоунквист рассматривает «культурную» и «расовую» маргинальность. «Культурная» маргинальность проявляется в смешении традиционных социальных, религиозных норм в психике человека. Сегодня можно констатировать, что, к сожалению, СМИ способствуют процветанию культурной маргинальности. Нельзя сказать, что новация современности. Например, характер Дон Кихота, его оторванность от жизни были сформированы рыцарскими романами, а следовательно, последние выражают неаутентичное, предлагают индивиду для заимствования какой-то нереальный и/или неадекватный опыт. Но это различие реального, аутентичного и нереального, книжного опыта возвращается в роман, в сферу неаутентичного и учит индивида различать реальную и фиктивную реальности. Ведь именно из романа заимствуется схема донкихотства. В этом и состоит парадокс аутентичности неаутентичного, т.е. реальности фиктивного и фиктивности реального. Этому различению фиктивности и реальности учит как раз современное информационное пространство, прежде всего, его литературно-развлекательная составляющая.

«Расовая» маргинальность означает биологическую метисацию, преломление в психике представлений о разнородных расовых признаках, характеризующих отдельного индивида или группу. В отечественной науке роль филогенетического аспекта культурного развития психики человека выделялась в подходе Л.С. Выготского и А.Р. Лурии. Наиболее отчетливо эта идея, под непосредственным влиянием биогенетического закона Э. Геккеля, была высказана Стэнли Холлом в его теории рекапитуляции, согласно которой онтогенез психики ребенка воспроизводит филогенез «собственной расы». Точнее, Холл отмечал, что «для полноты развития ребенка» необходимо, «чтобы он переживал древние чувства и точки зрения своей расы» [Холл, 1914: 30]. В отечественной науке «раса» — это большая группа людей, имеющих общее биологическое происхождение. Понятие расы в англоязычных странах в начале XX века имело более широкий смысл и нередко применялось и применяется в настоящее время для обозначения и этносов, особенно при наличии существенных языково-культурных особенностей [Козлов, 1995: 105]. В современной науке это понятие имеет, скорее, биологический смысл, чем тот, который вкладывает в него Стэнли Холл. С учетом сказанного мы полагаем, что Стэнли Холл был первым, кто, по существу, разрабатывал концепцию этнопсихологического (типологического) подхода к психическому развитию человека, однако не сформулировал эту идею как таковую.

С точки зрения этнолингвофункционального подхода к описанию внутренней и внешней среды человека, вне рассмотрения остается группа климато-географических этнических признаков. Понятие «маргинальность» можно применить и к этой группе, поскольку психическая маргинальность может быть обусловлена, например, миграцией человека из местности с одним ландшафтом и климатом в местность с другим ландшафтом и климатом [Сухарев, 1996].

В связи со сказанным содержание понятия **этнической маргинальности** становится более широким по сравнению с «личностной маргинальностью»

Э. Стоунквиста, а также шире представления об этнической маргинальности как «этнической двойственности» [Мулдашева, 1991]. Нельзя не согласиться с тем, что этническая маргинальность является существенной характеристикой современного цивилизованного общества. Психолингвистический смысл этнической маргинальности состоит в наличии в психике человека этнолингвофункционально рассогласованных элементов («элементы психики» — в смысле А.Ф. Лазурского).

Однако этническая маргинализация общества порождает специфическую информационную ситуацию, когда резко снижается способность психической адаптации человека к порожденным системным кризисом цивилизации усложняющимся информационным потокам. Как уже было отмечено, это в значительной мере объясняется высокой степенью территориальной мобильности, незакрепленностью человека ни за одной устойчивой социальной общностью. Одним из способов адаптации человека к новой информационной ситуации автор считает создание «информационных фильтров» (субкультур), которые отсеивали бы наиболее значимые для индивида «сообщения» из потока социально значимых сигналов. Необходимость такой информационной защиты связана, в частности, с тем, что именно недостаточная или нарушенная способность переработки информации может обуславливать психические расстройства (например, неврозы и шизофрению). Такими информационными фильтрами

естественным образом могут являться этнокультурные образования, которые имеют ряд преимуществ над субкультурами иного рода (профессиональными, хиппи, панки и др.).

«Странные», нестандартные люди — излюбленная тема массмедиа, однако они фигурируют для конструирования реципиентом собственной идентичности, в том числе и этнической. Однако на первый план выдвигается возможность информированного выбора для общества и личности.

Следовательно, «плюрализм современного мультикультурного информационного общества с необходимостью требует признания легитимности самых различных парадигм обоснования толерантности» [Хомяков, 2004: 403] как фактора нормального функционирования этнолингвофункциональной архегении. Такая ситуация, в свою очередь, побуждает нас к созданию разных нарративов — историй о толерантности, являющихся параллельными главами противоречивого нарратива модерности. Плюрализм современного полиэтнического поликультурного общества требует плюрализма моделей архегенного и анархегенного сознания.

---

**НИЯЗОВА Гульсина Мавлютовна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики.

Статья поступила в редакцию 18.12.06 г.

© Ниязова Г. М.

УДК 301+800

**Л. Ш. ФАХРЕЕВА**

Набережночелнинский  
государственный педагогический  
институт

## **МЕХАНИЗМ ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НА ЯЗЫКОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

---

**В статье рассматриваются вопросы социально-правового регулирования языкового поведения, определяется теснота связи между ними.**

---

В современном российском обществе происходит формирование социально-экономических, социально-политических и социокультурных отношений нового типа, что нашло свое выражение в изменении языковой ситуации всего общества, языкового поведения членов этого общества. Сегодня языковые вопросы стали перерастать в политические. Это состояние обостряется тем, что в полиэтнических обществах происходит сужение сфер функционирования титульных языков, нет налаженных и эффективно работающих социально-правовых механизмов регулирования языкового поведения и процедур разрешения языковых проблем.

В рамках регулирования языкового поведения членов полиэтнического общества проводятся международные научно-практические конференции по проблемам языка, языковой ситуации и языковой политики в полиэтнических обществах. Так, например, под эгидой Западно-Казахстанского государственного университета намечено проведение Международной научно-практической конференции «Проблема формирования евразийского мышления (паритетного евразийства)» в г. Уральске 15-16 июня 2007 года. В Москве по данной тематике ежегодно проводится конференция «Язык, культура, общество», и в этом году намечено проведение IV Междуна-

родной научной конференции 27-30 сентября. В Камском институте в г. Набережные Челны 24-25 апреля 2007 года состоится Всероссийская молодежная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современного общества глазами молодого поколения». В Казани в рамках Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета также ежегодно проводится конференция, посвященная проблемам языковой ситуации и языкового планирования в Республике Татарстан.

При Академии наук РТ планируется создание Центра социальной лингвистики, работа которого будет направлена на социально-правовое регулирование языкового поведения. Сложность открытия данного Центра обусловлена не только необходимостью финансовой поддержки со стороны государства и работников аппарата при президенте как теоретических меценатов, но и привлечения для работы зарубежных ученых, изучения опыта других стран.

Социально-правовое регулирование языкового поведения представляется как система средств, методов, процедур и ресурсов, согласованно разворачивающихся в пространстве и времени и направленных на сохранение, развитие и совершенствование языка. Выбор наилучшего варианта языкового поведения из множества возможных — это улучшение процесса функционирования языка для достижения его максимальной эффективности, т.е. употребления его во всех сферах жизнедеятельности.

Раскрытие механизма влияния социально-правового регулирования на языковое поведение предполагает рассмотрение частей данного механизма и способа, принципов его работы. Известно, что механизм состоит из деталей, которые последовательно передают движение от одного звена к другому. Для исправной работы механизма необходимо удовлетворительное состояние каждой детали и отлаженность их взаимодействия.

Состав и закономерности функционирования механизма влияния социально-правового регулирования на языковое поведение личности представляется возможным раскрыть через рассмотрение компонентов, системных элементов этих явлений в результате эмпирической интерпретации понятий этих феноменов, установления связей между этими компонентами, влияния ведущих компонентов правового регулирования (законотворчество, правосознание, правовая культура) на ведомые компоненты языкового поведения (нормы, мотивы, потребности). Для целей нашего исследования необходимо, чтобы эти факторы оказывали заметное влияние на языковое поведение личности и были способными под-

вергнуться количественному анализу. С этой целью компоненты социально-правового регулирования и компоненты языкового поведения были подвергнуты дальнейшей эмпирической интерпретации для создания возможности их измерения.

Согласно результатам конкретно-социологического исследования, проведенного автором статьи в августе 2006 года в городах РТ (Казань, Набережные Челны, Нижнекамск, Альметьевск, Елабуга), для выполнения профессиональных обязанностей (79,8%), для решения производственных (деловых) вопросов (88,6%), для обсуждения непроизводственных проблем (83,2%) используется русский язык и в этих же ситуациях соответственно татарский: 11%, 8,9%, 14,3%. Таблица 1 наглядно демонстрирует сферы использования татарского и русского языков в Республике Татарстан.

Как видим из таблицы, в основных сферах жизнедеятельности респонденты используют большей частью русский язык, чем, например, второй государственный — татарский язык. Татарский язык используется в большей степени в общении с членами семьи и родственниками. Таким образом, Закон РТ «О государственных языках РТ и других языках в РТ» (2004), провозгласивший равноправный статус татарского и русского языков как государственных, на мотивы языкового поведения населения не влияет, и на практике сфера и объем функционирования татарского языка ограничены.

По результатам нашего исследования, 43,3% экспертов утверждают, что изучению татарского языка русскоязычному населению мешает отсутствие интереса к изучению языка, еще 46,7% экспертов убеждены в том, что препятствием является непрестижность и невостребованность татарского языка в различных сферах деятельности, 10% экспертов отмечают наличие психологического барьера в изучении других языков. Таким образом, 90,0% экспертов уверены, что основным мотивом отсутствия интереса к изучению татарского языка является ограничение сфер и объема его функционирования и как следствие этого — его непрестижность. В результате экспертного опроса получили шкалу мотивов (по убывающей), которые могут расширить сферу языкового поведения: интерес к языкам и языковым контактам — 86,7%; увеличение возможности общения — 60%; общественная потребность — 30%; способ реализации личностного потенциала — 23%; польза для семьи — 16,7%; достижение рационально поставленной цели — 16,7%; привычка — 16,7%; указание руководства предприятия (организации) — 0%; соображения религиозного характера — 0%. Таким образом, для того

**Сферы использования языков в РТ  
(в % к исследуемым, выборка из 7 вопросов)**

**Таблица 1**

Сферы использования языков и общение на языке	Татарский язык	Русский язык
Предприятия торговли, быта, транспорт	2,6%	73,4%
Учреждения культуры, образования	3,5%	74,9%
Место жительства	11,2%	66,9%
Семья	17,8%	64,9%
Друзья	5,8%	57,4%
Малознакомые люди	3,7%	75,8%
Родственники	20,2%	44,0%

чтобы расширить сферу языкового поведения, необходима потребность в изучении языков и общении на них.

Как известно, потребность — это надобность, нужда в чем-нибудь, требующая удовлетворения. По результатам нашего исследования эксперты отмечают высокую потребность в изучении языков. 100% экспертов считают необходимым изучение второго языка и более. На вопрос «Какой язык вы бы хотели выучить для международного и межнационального общения?» 83,4% экспертов выбрали английский, 40% — русский, 26,7% — татарский, 26,7% — арабский, 13,3% — немецкий, 13,3% — французский и 10% — турецкий. Как видим, потребность в изучении английского языка очень велика и превышает надобность в изучении татарского языка в три раза.

Применительно к языковому поведению индивидов выбор того или иного языка предстает как психологическое состояние личности, побуждающее его совершить определенные действия в условиях правовой действительности, либо воздерживаться от каких-либо поступков. Таким образом, мотивы, являясь следствием определенного уровня правосознания, моделируют предстоящее языковое поведение членов общества.

Как справедливо отмечает Н.А. Гранат, «правосознание отражает правовую действительность в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и практике его реализации, правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих поведение людей» и... «представляет собой узловой пункт, аккумулирующий в себе все психические процессы, свойства и состояния, которые проявляются в конкретном правовом поведении именно как результат правовых установок и ценностных ориентаций» и состоит из двух элементов: правовой психологии и правовой идеологии [1]. Основная роль здесь отводится правовой психологии, которая представляет собой совокупность сложившихся и развивающихся осознанных психологических состояний в виде правовых чувств, эмоций, привычек, желаний, оценок, выражающих конкретное отношение индивидов и всего общества в целом к праву, законам, ко всем явлениям правовой действительности и обуславливающих становление моделей языкового поведения.

Именно правовая психология оказывает заметное влияние на содержание правовой идеологии, основным компонентом которой являются знания права. Человек, который не имеет представления об основных законах, не может реализовать свои права и соблюдать обязанности и не в состоянии требовать, чтобы фактически соблюдались его права и свободы. Согласно данным нашего исследования, мнение экспертов сводится к тому, что для современного человека важным является «знать право в общих чертах» — 43,3%, «понимать тонкости каждого законодательного акта» — 10%, «уметь разбираться в актах законодательства» — 46,7%. Как видим, каждый член общества в современном мире обязан разбираться в актах законодательства, чтобы реализовать свои права и требовать соблюдения своих языковых прав. Так, по данным нашего исследования, 96,7% экспертов отмечают знание Закона «О языках народов РТ». Что касается Конституции РТ, то 76,7% опрошенных экспертов оценивают ее положительно, 20% — отрицательно.

Вторым элементом правосознания является оценка права, эффективности работы законов. По результатам экспертного исследования примерно

столько же экспертов, знающих те или иные законы, удовлетворены качеством работы принятых законов в РФ и РТ — 76,7%. 23,3% — не удовлетворены, что говорит о критичности сознания по отношению к праву, законам, юридическим нормам и явлениям правовой действительности.

Таким образом, языковое и правовое сознания, влияя на условия жизнедеятельности людей, определяют ценности и ценностные ориентации, воспитывают и развивают правовую культуру, при помощи которых люди воспринимают языковые или правовые явления.

Понятие «культура» (в переводе с латинского — воспитание, образование, развитие, почитание) означает исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях [2]. В содержание правовой культуры входят те ценности, которые опосредуют языковое поведение людей. Компонентом правовой культуры личности являются правовые знания, ориентирование в системе основополагающих законов. Совершенное и развитое законодательство, законы оказывают влияние на состояние правовой культуры. Однако для становления должной правовой культуры личности правовых знаний и знания законов недостаточно, необходимо соблюдение законов не из-за страха наказания, а осознанно, добровольно, адекватно. Таким образом, основными элементами правовой культуры являются правовые знания и соблюдение законов.

По результатам нашего исследования, 73,4% экспертов уверены, что на соблюдение правовых запретов влияет соблюдение закона, 16,6% — моральные и принципиальные соображения и 10% — совесть. Важно подчеркнуть, что такие качества и свойства личности характеризуют ее как носителя высокого уровня правосознания и правовой культуры.

Источником приобретения правовых знаний 53,3% экспертов считают официальные вестники законов, 33,4% — научно-популярную юридическую литературу. Еще 10% экспертов отметили, что в этом им помогут СМИ, а 3,3% — Интернет. Таким образом, основная часть экспертов выбрала источником приобретения правовых знаний и культуры юридическую литературу, всего лишь десятая часть респондентов доверяет СМИ и еще меньшее количество отвечающих — сети Интернет.

В правовой культуре как в одном из элементов социально-правового регулирования отражается уровень правосознания регуляторов общества, знания нормативно-правовых актов, усвоение правовых ценностей, их реализация на практике, состояние законодательства и работа всех правоохранительных органов, место права в жизни общества и степень гарантированности государством и обществом прав и свобод каждого члена общества.

Таким образом, эмпирическая интерпретация понятия «социально-правовое регулирование» позволила раздробить его на более мелкие компоненты путем объединения и отграничения однородных групп, через которые раскрываются существенные черты и особенности развития всей совокупности. Так, **законотворчество** включает в себя нормы права; **правовое сознание** — правовую психологию (отношение к законам и оценка эффективности работы закона) и правовую идеологию (знания права); **правовая культура** — уровень правовых знаний и соблю-

дение законов. Понятие «языковое поведение», в свою очередь, делится на более мелкие элементы: **нормы языкового поведения** — нормы нравственности, традиций и обычаев; **мотивы** — побуждение интереса к языкам, языковым контактам и явлениям реальной действительности; **потребности** — необходимость в изучении языков, необходимость в общении на родном и неродном языках.

При изучении влияния социально-правового регулирования на языковое поведение личности использовался статистико-математический метод корреляционного анализа [3].

Конкретно-социологическое изучение языкового поведения личности предполагает выделение структурных элементов центральных понятий, шкалирование оценочного подхода и установление связи с факторами, влияющими на языковое поведение.

В качестве критериальных показателей социально-правового регулирования на основе анализа были выделены: нормы права; соблюдение законов; необходимый уровень правовых знаний; оценка эффективности законов; позитивное отношение к законам; знание права. Они же являются основными компонентами анализа влияния социально-правового регулирования на языковое поведение личности.

При помощи метода корреляционного анализа была вычислена структурная значимость каждого из этих показателей, их тип внутреннего взаимодействия<sup>1</sup>. Коэффициенты парной корреляции между языковым поведением и соответствующими критериальными показателями представлены в виде схемы.

В представленной схеме отмечены лишь те связи, которые имеют величину коэффициента корреляции выше или равны 0,45 (рис. 1). Как следует из схемы, наиболее оптимальные характеристики выявлены в пяти основных критериальных показателях социально-правового регулирования — нормы права ( $r=0,49$ ), оценка эффективности работы закона ( $r=0,48$ ), знания права ( $r=0,46$ ), необходимый уровень правовых знаний ( $r=0,47$ ) и соблюдение законов ( $r=0,49$ ). Таким образом, элементы социально-правового регулирования были выбраны верно, это подтвердил математический анализ — связь выбранных элементов выше 0,45.

Анализируя полученные данные, необходимо отметить недостаточное влияние одного из элементов правовой психологии, а именно отношение к законам. На низкую величину коэффициента могла повлиять неосознанность законов о языках частью респондентов, нигилистическое отношение к праву в целом или недостаточное знание основных законов России о языках (Конституция РФ, Закон РФ «О государственных языках РФ») и республики (Конституция РТ, Закон РТ «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в РТ»).

Таким образом, метод корреляционного анализа является достаточно ценным способом обработки и интерпретации социологических данных, характеризующий влияние социально-правового регулирования на языковое поведение.

Однако мы рассчитывали, что это влияние будет большим, и теснота связи между социально-правовым регулированием и языковым поведением, ведущими и ведомыми компонентами, коэффициент корреляции ( $r$ ) будет гораздо выше. Полагаем, что вполне возможно, что при эмпирической интерпретации основных понятий для измерения указанной зависимости и определения коэффициента корреляции проделанная эмпирическая интерпретация не была проведена до конца. И некоторые ведущие и ведомые компоненты исследуемых понятий нуждались в дальнейшей детализации, в дальнейшем дроблении. В то же время была опасность при этом потери самого явления и его понятия. Это относится, прежде всего, как к «ведущим», так и «ведомым» понятиям, каждый из которых эмпирически интерпретируется.

Для успешного функционирования данного механизма необходима согласованная, отлаженная работа всех его элементов. Продуманная законодательная база и специальные государственные программы развития государственных языков, качество работы законов во всех сферах социально-правового регулирования, подготовка высококвалифицированных кадров, правоведов в области национально-языковой политики оказывают влияние на языковое поведение населения и юридическое закрепление за языками титульных наций статуса государственных языков, что призвано повысить их социальную

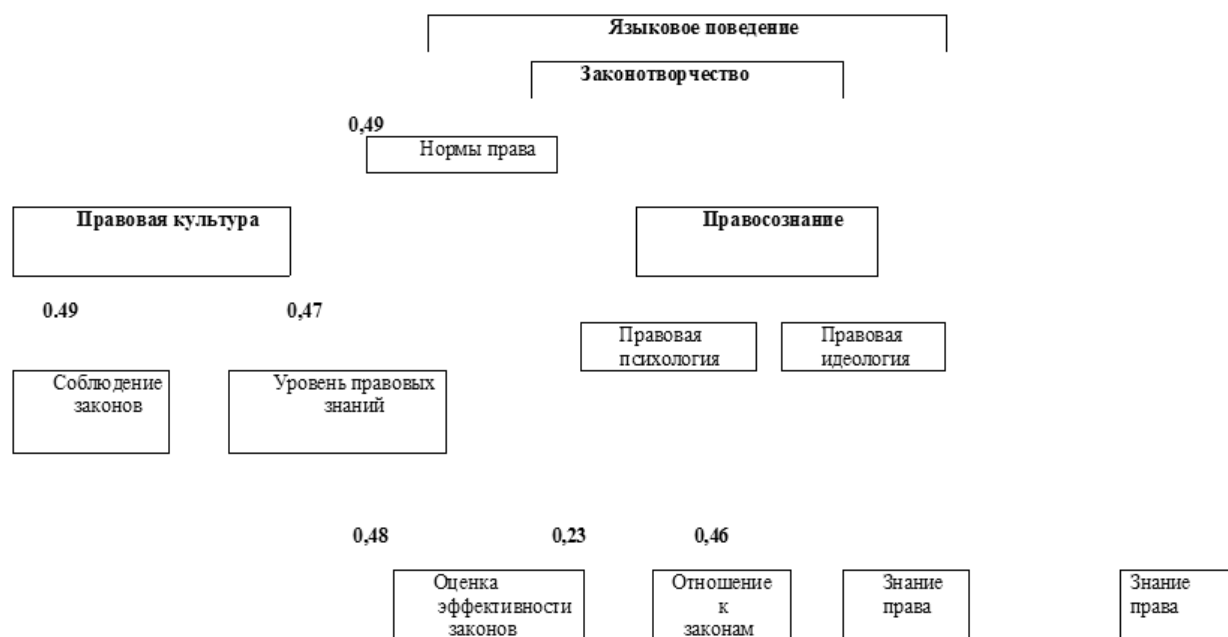


Рис. 1. Схема корреляционных связей языкового поведения

роль, закрепить или создать условия для их всестороннего развития и совершенствования.

#### Примечание

<sup>1</sup> Материал обработан с использованием программного комплекса SPSS, который предназначен для обработки статистической информации.

#### Библиографический список

1. Гранат Н.А. Правосознание и правовое воспитание // Общая теория государства и права. Академический курс / Н.А. Гранат; Под ред. М.Н. Марченко — М., 2003. — С. 303-308.

2. Гранат Н.А. Указ. работа. — С. 310.

3. Нугаев М.А. Трудовая активность рабочего класса развитого социалистического общества (теоретико-методологический аспект) / Нугаев М.А. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1975;

4. Нугаев М.А. Теоретико-методологические основы исследования качества социального потенциала региона / Нугаев М.А. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2006.

**ФАХРЕЕВА Люция Шамиловна**, старший преподаватель.

Статья поступила в редакцию 26.12.06 г.

© Фахреева Л. Ш.

УДК 811

**Н. А. МАРТЫНОВА**

Орловский государственный институт  
экономики и торговли

## МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ОСОБЫЙ ВИД ОБЩЕНИЯ

**Данное исследование посвящено рассмотрению проблемы межкультурной коммуникации. Межкультурная коммуникация представляется как особый процесс общения, имеющий свои характеристики и условия протекания. Тщательный анализ процесса межкультурного общения показывает, что межкультурная коммуникация является отличным от внутрикультурной коммуникации видом общения со своей спецификой и структурой.**

Общение представляет собой сложный и многогранный процесс, который может выступать одновременно как процесс взаимодействия индивидов, как отношение людей друг к другу, как процесс их взаимовлияния, сопереживания и взаимопонимания. В целом это один из важнейших факторов человеческой жизнедеятельности [1].

В силу своей практической значимости процесс общения привлекает внимание специалистов самых разных областей гуманитарного знания: философии, психологии, социологии, культурологии, этнологии, лингвистики и т.д. При этом каждая наука или научное направление, изучающее те или иные аспекты общения, выделяет в этом процессе свой предмет изучения.

Наряду с понятием «общение» в последние несколько лет в отечественной науке появился и получил распространение термин «коммуникация», который прочно вошел в понятийный аппарат социально-гуманитарного знания. Л.С. Выготский, В.Н. Курбатов, А.А. Леонтьев отождествляют эти два термина, основываясь на этимологическом и семантическом родстве этих понятий. Исходя из первоначального значения латинского термина «communicatio», имеющего значение «делать общим, связывать, общаться», сторонники этой точки зрения понимают его как обмен мыслями и информацией с помощью различных сигналов. В свою очередь, русское слово «общение» также отражает процесс обмена мыслями, информацией и эмоциональными переживаниями между людьми. В обоих случаях сторонники данного подхода не видят принципиальной разницы в содер-

жании понятий «общение» и «коммуникация», поэтому они равноправны.

В процессе межкультурной коммуникации каждый человек одновременно решает две важнейшие проблемы — стремиться сохранить свою культурную идентичность и включиться в чужую культуру. Комбинация возможных вариантов решения этих проблем определяет четыре основные формы межкультурной коммуникации: прямую, косвенную, опосредованную и непосредственную. При прямой коммуникации информация адресована непосредственно от отправителя к получателю. Она может осуществляться как в устной, так и в письменной форме. В косвенной коммуникации, которая носит преимущественно односторонний характер, информационными источниками являются произведения литературы и искусства, сообщения, радио-, телевизионные передачи, публикации в газетах и журналах и т.д. Непосредственная и опосредованная формы коммуникации различаются наличием или отсутствием промежуточного звена, выступающего в качестве посредника между партнерами.

В современном мире в связи с повышением интереса к языкам и культуре народов межнациональное общение занимает одну из важных позиций в социальной жизни человека.

Поскольку признается, что одной из предпосылок общения является общность сознаний коммуникантов, то его неполная общность может послужить причиной непонимания. Неполная общность сознания является следствием, в том числе и принадлежности коммуникантов к разным национальным культурам.

Учитывая, что «межкультурное общение в известной мере патологично и отклоняется от нормы, так как в межкультурном общении общность сознаний коммуникантов не оптимальна, вследствие чего нарушается обычно автоматизированный процесс речевого общения и становятся заметны составляющие его части, не различимые в норме» [2], то его можно определить как случай функционирования в аномальных условиях, когда отсутствует оптимальная общность сознания коммуникантов. Общеизвестно, что представители каждой конкретной культуры, являясь носителями своей национальной культуры, обладают качествами сознания, которые сформировались при освоении определенной национальной культуры.

Между языком и культурой существует тесная, неразрывная связь. При этом подразумевается, что речь идет о культуре того народа, которому принадлежит этот язык. Всем ходом своего исторического развития язык направлен в область внутренней культуры. Описывая сущность языка, ученые используют различные метафоры, объясняющие природу этого явления. Ср., например: «Язык есть живой организм или система правил, подобных шахматной игре, или устройство для перевода глубинных структур в поверхностные, или зеркало сознания, или хранилище опыта, или оболочка смыслов. Каждое из объяснений имеет право на существование, поскольку высвечивает одну из сторон языка. Вместе с тем нельзя не заметить, что если раньше ученых интересовало преимущественно то, как устроен язык сам по себе, то теперь на первый план выдвинулись вопросы о том, как язык связан с миром человека, в какой мере человек зависит от языка, каким образом ситуация общения определяет выбор языковых средств» [3].

Способность языка переключаться с внутренней культуры на внешнюю и наоборот, в зависимости от коммуникативных потребностей, обеспечивается гибкостью культурной ориентации языковых единиц. Слова различным образом ориентированы на мир культур различных народов, при этом выделяется несколько групп культурной ориентации: нейтральная лексика, не имеющая культурной ориентации; лексические единицы, обозначающие явления, характерные для всех культур; лексические единицы, обозначающие явления, характерные для данной культуры; и, наконец, лексические единицы, обозначающие специфические инокультурные явления, или реалии.

Естественно, что язык используется более всего в ориентации на свою внутреннюю культуру. Однако уже достаточно давно ни один народ не может жить в культурной изоляции, и любой язык в большей или меньшей степени используется и в коммуникативных ситуациях, связанных с внешними культурами. Широкое распространение получил термин «межкультурная коммуникация», которая предполагает взаимодействие двух и более культур и преодоление языковых и культурных барьеров. Растущий интерес к особенностям межкультурной коммуникации способствовал образованию новой научной области, в которой диалог культур рассматривается как объект исследования.

Обращение языка к внешней культуре является результатом межкультурного общения. Выход языка в область внешних культур происходит в целом ряде типовых ситуаций: газеты, журналы, бытовые контакты, специальная лингвострановедческая литература и т.д.

Межкультурная коммуникация — явление весьма многостороннее и изучается различными дисциплинами. Межкультурная коммуникация может трактоваться в широком и узком смысле. В широком понимании межкультурную коммуникацию рассматривает культурология. Культурология изучает межкультурную коммуникацию как диалог культур и тех общественных формаций, которым эти культуры принадлежат. Анализируя разные культуры, культурология обосновывает законы, характерные для многих культур, и выявляет черты и особенности, являющиеся уникальными и существующие только в одной отдельно взятой культуре. Межкультурная коммуникация может рассматриваться как «обращение языка в область иноязычной культуры» [4].

Межкультурная коммуникация одновременно подтверждает и опровергает постулаты нормального общения, впервые сформулированные Х.П. Грайсом, а затем развитые и дополненные другими учеными. С одной стороны, межкультурное общение подчиняется тем же правилам, что и коммуникация внутри одной культуры. С другой стороны, межкультурная коммуникация по сути своей предполагает закономерные нарушения этих правил в силу своей специфики. Принципы кооперации Грайса, которые рассматриваются как необходимое условие успешного общения, не всегда срабатывают в процессе межкультурной коммуникации, а иногда даже становятся препятствием на пути к взаимопониманию. К основным категориям успешного общения Грайса относятся [5]:

1. Категория количества
2. Категория качества
3. Категория уместности
4. Категория способа

Категория количества подразумевает количество информации, достаточной для полноценного процесса коммуникации, то есть высказывание должно быть настолько информативным, насколько это необходимо. При этом информации не должно быть слишком много, так как сверхинформативность может сбить с толку адресата, отвлекая его от главного предмета разговора. Кроме того, как отмечает Х.П. Грайс, если адресат заподозрит преднамеренность многословия адресанта, это даст ему повод усомниться в правдивости передаваемой информации.

Внутри одной культуры нет необходимости эксплицитно выражать всю информацию, поскольку она уже знакома участникам коммуникации как «разделенное знание». Избыточность в таких случаях тормозит ход коммуникации, экономия усилий становится важным фактором эффективного общения.

В межкультурной коммуникации этот принцип может не срабатывать в связи с тем, что возникает дисбаланс между объемами старого и нового знания коммуникантов о родной и чужой культуре и соответственно между понятиями о достаточности и избыточности. Результатом этого дисбаланса может стать нарушение линейности и непрерывности коммуникативного процесса. Поэтому необходимым условием эффективности межкультурной коммуникации является не «выпадение звеньев», а, напротив, избыточность информации, выражающаяся в повторах, переформулировании сказанного и обязательном осуществлении обратной связи.

Постулат о тождестве может давать сбои в результате различного видения мира. Идентификация новых объектов по аналогии со старыми — то, что на всех этапах познания и коммуникативной деятель-

ности внутри одной культуры, облегчает процесс понимания — в межкультурной коммуникации может приводить к ошибочной референции, неверному установлению родовидовых связей, неправильному определению места предметов в мире или в ряду других предметов и в конечном итоге — коммуникативным неудачам. Свойство человеческой памяти, благодаря которому выделение определенного понятия автоматически вызывает ассоциации с другими понятиями и, таким образом, позволяет воссоздать логические связи, восстановить в памяти блоки уже известных сведений, в процессе межкультурной коммуникации становится причиной формирования ложных ассоциаций и обращения к неверной информации.

Привычные действия внутри одной культуры соотносятся со скриптами, или сценариями — цепочками стереотипных действий, используемыми как ответная реакция на ситуативный стимул. Однажды сложившись, скрипты избавляют нас от лишних познавательных усилий и служат основой для формирования связей между новым опытом и уже имеющимися знаниями о мире. Однако следствие несовпадения скриптов в разных культурах — попытка применить знакомые сценарии к ситуациям межкультурной коммуникации может приводить к путанице, замешательству, чувству неловкости и сложностям в общении. В конечном итоге имеют место коммуникативные неудачи и дополнительные усилия по их преодолению. В условиях естественного общения в стране изучаемого языка неправильный ситуативный выбор речевых средств и сценариев определенных видов деятельности может достичь цели общения, но маркирует говорящего как иностранца, а в некоторых случаях может также наложить нежелательный отпечаток на характер взаимоотношений между участниками коммуникации.

Небесспорным для межкультурной коммуникации является и постулат об общей памяти, так как культурная память включает сложную гамму коннотаций, пресуппозиций, фоновых знаний, знакомство с прецедентными текстами, т. е. ту сферу, где неизбежны существенные межкультурные расхождения.

Культурная память складывается из индивидуального и коллективного компонентов. Объем и характер индивидуальной культурной памяти зависят от свойств идиолектной личности, ее жизненного опыта, уровня образования, интересов, круга общения и т. д. Основу коммуникации составляет коллективная память, включающая как универсальные, так и культурно-специфические компоненты. Соответственно объем общей памяти будет больше для представителей одной культуры, нежели для членов различных культурных групп. Помехами в межкультурной коммуникации может стать недостаток знаний об определенных культурно-исторических событиях, личностях и понятиях, их разная оценка, отсутствие памяти об исторических контекстах употребления идиом и т. д.

Категория качества предполагает искренность и правдивость информации. Искренность при внутрикультурном общении выражается не только при помощи вербальных средств, но и при помощи невербальных (жесты, мимика) и паравербальных средств (паузы, интонация), что весьма сложно при межкультурной коммуникации, так как жесты и интонационное оформление речи в разных языках имеют разное значение. И эти расхождения могут привести не только к коммуникативному дискомфорту, но и к коммуникативной неудаче.

В результате несовпадения семиотических систем на разных уровнях языка и культуры в межкультурной коммуникации могут наблюдаться нарушения семантической связности, которая является одним из важнейших условий успешной коммуникации. Значимыми для данного аспекта коммуникации являются все виды знаков, употребляющихся в коммуникации на вербальном (фонетическом, грамматическом и лексическом) и невербальном уровнях, т. е. все разновидности кодификации информации в контактирующих культурах. Асимметрия семиотических систем, вызывающая культурно-языковую интерференцию, может приводить к межкультурным коммуникативным сбоям.

Постулаты нормального общения требуют от коммуникантов искренности и правдивости. Однако понятия об истинности суждения в разных культурах могут различаться из-за таких факторов, как относительность понятий времени, пространства, оценочных суждений, этических и моральных норм и т. д. Следствием этих расхождений может стать недоверие участников межкультурного общения друг другу, представляющее собой серьезную коммуникативную помеху.

При анализе универсальных закономерностей общения различия, в том числе межъязыковые и межкультурные, воспринимаются как барьеры на пути адекватной коммуникации, вследствие чего основное внимание уделяется моментам сходства. В межкультурной коммуникации различия выходят на передний план и становятся центральной проблемой, а умение их преодолевать — наиболее эффективным способом достижения взаимопонимания.

В настоящее время общепринята точка зрения, согласно которой как в культуре, так и в языке каждого народа присутствуют одновременно общечеловеческий и национальный компоненты. Универсальные значения, одинаково осознаваемые всеми людьми в мире или представителями отдельных культур, создают почву для межкультурной коммуникации, без них межкультурное взаимопонимание было бы в принципе невозможно. В то же время в любой культуре присутствуют специфические культурные значения, закрепленные в языке, моральных нормах, убеждениях и особенностях поведения.

Категория уместности представляется более важной для межкультурной коммуникации, чем для внутрикультурного общения, так как при внутрикультурном общении участники диалога обладают общими фоновыми знаниями, что позволяет им избежать коммуникативного дискомфорта, несмотря на резкую смену предмета разговора или желание следить за мыслью собеседника. Различия в культурной базе собеседников при межкультурной коммуникации может привести не только к коммуникативному дискомфорту, но и к полному непониманию.

Способ коммуникации тоже является важной категорией общения. Х.П. Грайс считает, что основное условие успешного общения — ясность, простота и понятность высказывания. Краткость и последовательность в изложении своих мыслей позволяет сделать общение предельно комфортным для воспринимающей стороны. Нелепость выражения и двусмысленность осложняют процесс коммуникации, создавая аномальные ситуации общения. Обращаясь к собеседнику, участник диалога должен учитывать индивидуальные особенности собеседника, влияющие на успешность коммуникации: его возраст, уровень интеллектуального развития, интересы и т. д. Чем меньше информации о собеседнике мы имеем,



тем более последовательно, четко и кратко следует излагать свои мысли.

При межкультурной коммуникации такая категория успешного общения, как категория способа, приобретает особое значение и важность. Учитывая то, что коммуникация в данном случае проходит в необычных условиях. Мы не просто имеем дело с собеседником, о котором мало знаем, мы имеем дело с человеком, погруженным в другой культурный континуум. Межкультурная коммуникация проходит между собеседниками, имеющими разные культурные базисы. В процессе межкультурной коммуникации понятие адекватности не всегда отвечает их ожиданиям.

Близость культур является залогом взаимопонимания. Однако существует иное мнение: чем больше иллюзия близости культур, тем больше вероятность коммуникативных сбоев. Так, например, отправляясь в Японию или в африканские страны, американцы готовы к культурным различиям, потому что там их собеседники «другие»: иначе выглядят, жестикулируют, ведут себя и т. д. В то же время они не готовы к разрешению культурных противоречий с русскими, поскольку велико ощущение межкультурного сходства.

Таким образом, можно утверждать, что межкультурная коммуникация имеет некоторые отличия от обычного внутрикультурного общения. Межкультурная коммуникация представляет собой особую форму коммуникации двух и более представителей различных культур, в ходе которой происходит обмен информацией и культурными ценностями взаимодействующих культур. Процесс межкультурной коммуникации есть специфическая форма деятельности, которая не ограничивается только знаниями иностранных языков, а требует также знания мате-

риальной и духовной культуры другого народа, религии, ценностей, нравственных установок, мировоззренческих представлений и т. д., в совокупности определяющих модель поведения партнеров по коммуникации. Изучение иностранных языков и их использование как средства международного общения сегодня невозможно без глубокого и разностороннего знания культуры носителей этих языков, их менталитета, национального характера, образа жизни, видения мира, обычаев, традиций и т. д. Только сочетание этих двух видов знания — языка и культуры — обеспечивает эффективное и плодотворное общение.

#### Библиографический список

1. Садохин А.П. Теория и практика межкультурной коммуникации: Учебное пособие для вузов. — М.: Юнити-Дана, 2004. — 271 с. — с. 68.
2. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. — М.: Институт языкознания РАН, 1996. — С. 7-22. — с. 13.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград, «Перемена», 2002. — 476 с. — с. 4.
4. Кабакчи В.В. Практика англоязычной межкультурной коммуникации. — СПб.: Изд-во «Союз», 2001. — 480 с. — с. 418.
5. Grice H.P. Logic and conversation // Syntax and semantics. — vol. 3: Speech acts. — N.Y.: Academic Press, 1975. — 41-58 p.

**МАРТЫНОВА Наталия Анатольевна**, доцент кафедры русского и иностранных языков.

Статья поступила в редакцию 09.11.06 г.

© Мартынова Н. А.

УДК 81'33

**О. К. МЖЕЛЬСКАЯ**

Омская академия МВД РФ

## АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА БИБЛЕИЗМОВ

**Данная статья представляет собой краткий обзор проблем, с которыми может столкнуться переводчик при передаче фразеологизмов библейского происхождения. Особое внимание в статье уделяется переводу фразеологизмов с ономастическим компонентом. Автор приводит несколько примеров семантической эволюции имен собственных в английском и русском языках, произошедшей на основе приобретенных коннотаций.**

Вопрос адекватности перевода библеизмов неслучайно не раз поднимался в научных трудах. Последнее десятилетие XX века создало предпосылки для возвращения в русский язык большого пласта устойчивых выражений библейского происхождения, ранее активно использовавшихся в русской литературной речи. Но, к сожалению, культура передачи библеизмов при переводе была утеряна, а также при преподавании иностранного языка этому аспекту до сих пор внимания практически не уделяется. Хотя «библейские афоризмы как на иностран-

ных языках, так и на русском, в том числе библеизмы-пословицы, выполняют помимо номинативной (обозначение типовых ситуаций) и эстетической (украшение речи) функций еще и аргументационную функцию (подтверждение сказанного)» [1]. В данной статье внимание будет уделено фразеологическим оборотам библейского происхождения, имеющим в своем составе личные имена собственные.

Выделяя трудности, с которыми может столкнуться переводчик, среди основных стоит выделить его осведомленность об энциклопедическом и куль-

турном компоненте имени собственного. Различные коннотации имени собственного возникают на основе его энциклопедического значения при помощи фоновых знаний, присущих конкретному языку, поэтому эмоционально-экспрессивное значение имени может не совпадать у представителей разных культур. В качестве примера можно сравнить коннотативный компонент имен Фома и Thomas, имеющих общее происхождение и общее энциклопедическое значение. В английском языке имя Thomas вне фразеологизма doubting Thomas имеет нейтральный окрас, а в русском языке само имя Фома употребляется в значении упрямого, недоверчивого человека.

Не все имена приобретают коннотации, это явление в большей степени присуще персонажам и героям литературы, мифов, преданий, т.к. они являются носителями определенных ярко выраженных черт характера и совершают знаковые поступки. Иногда коннотативный компонент может настолько перевесить денотат, что имя собственное перейдет в нарицательное. Ярчайшим примером такого явления могут служить имена собственные, заимствованные из Библии.

По мнению А.В.Суперанской, распространение религии сопровождается массовым заимствованием антропонимов, при этом заимствуются и коннотации, сопровождающие данные имена. Благодаря тому, что именем Иван (Иоанн) звалось несколько глубоко почитаемых святых, оно стало популярным у многих христианских народов, сделавшись в ряде языков своеобразным представителем нации. Например, Иван и Мария (Марья) в русском языке, Johann и Marie в немецком, John и Mary в английском [2].

Следующая трудность состоит в том, чтобы «опознать» библеизм, особенно в потоке речи, т.к. в английском языке библеизмы могут употребляться в усеченном или измененном виде, поскольку говорящий может преследовать цель создания определенного стилистического эффекта. Следует также отметить тот факт, что в Англии и Соединенных Штатах Библия переводилась неоднократно, поэтому переводчик не всегда может рассчитывать на то, что библеизмы английского языка будут содержать архаизмы и устаревшие формы слов, таких как thou, thine, thyself.

Еще одна проблема перевода библеизмов кроется в том, что они редко употребляются с нейтральной стилистической окраской. Зачастую один и тот же библеизм либо «возвышает» контекст, либо придает ему ироническую, юмористическую или другую окраску. В английском языке имя Cain, так же как и в русском, имеет значение «изверг, предатель, братоубийца», но также может употребляться в значении «бунтарь». И от того, правильно ли понята сти-

листическая нагрузка этого имени собственного в определенном контексте, будет зависеть верность передачи переводящим замысла автора, т.е. сможет ли он средствами родного языка донести до русскоязычной аудитории адекватное впечатление, которое это имя производит на англоязычную аудиторию в конкретном случае.

Английские библеизмы, не имеющие эквивалентов в современном русском языке (т.е. библейские прототипы прижились только в английском языке), составляют довольно большую и самую трудную для перевода группу. Задача переводящего состоит в том, чтобы найти русские соответствия, которые образными средствами русского языка передадут то же содержание, что и английские выражения. В некоторых случаях это будет перевод-объяснение/толкование, в других — описательный перевод, в третьих — фразеологизм, устойчивое сочетание или слово русского языка, имеющее близкое значение. Например:

· «To play Samson in the temple» — «поступить, как Самсон в храме», т.е. погубить врагов и погибнуть при этом самому. В качестве устойчивых сочетаний русского языка, подходящих для передачи смысла данного фразеологизма, можно привести следующие: «не жалея живота своего», «сам погибай, а товарища выручай».

· «Adam» — «Адам» — наряду с общим значением «первый человек на земле, сотворенный Богом», в английском языке это имя может употребляться в значении «любой человек/мужчина».

· «Job's comforter» — «утешитель Иова», т.е. «горе-утешитель», это тот, кто, пытаясь утешить кого-либо, еще больше расстраивает его (как не нарочно, так и намеренно).

Только преодолев подобные трудности, можно дать адекватный перевод. Если же библеизм «неопознан» или неправильно понят, то результатом будет обесцвеченный или неправильный перевод.

#### Библиографический список

1. См.: Занглигер В.Ф. О переходе нетрансформированных библейских изречений в пословицы// Изучение славянских языков, литератур и культур в иноязычной среде. Белград, 1998. С. 271 — 274.
2. Суперанская А.В. Языковые и внеязыковые ассоциации имен собственных// Антропонимика, М., Наука, 1970, С. 7 — 17.

**МЖЕЛЬСКАЯ Ольга Кировна**, преподаватель кафедры иностранных языков.

Статья поступила в редакцию 04.12.2006 г.

© Мжельская О.К.

## Книжная полка

**История русского языкознания:** Хрестоматия: учеб. пособие / ред.: Л.В. Николенко. — М.: ИЦ «Академия», 2006. — 448 с.

Хрестоматия содержит выдержки из научных трудов ведущих российских ученых-лингвистов, отобранные в соответствии с действующей программой по современному русскому языку для филологических факультетов вузов. Книга состоит из основной части и приложения. В основную часть включены тексты статей, монографии и т.п., расположенные в хронологической последовательности в соответствии с разделами курса, представленными в программе. В приложении содержатся очерки о научно-педагогической деятельности ученых, литература об их научной деятельности, списки основных научных трудов.

Для студентов филологических факультетов вузов.

Рекомендовано УМО.

## ВОПРОСЫ РЕЦЕПТИВНОЙ ЭСТЕТИКИ

**В данной статье рассматривается проблема рецепции литературного произведения, исследуются основные законы и механизмы художественного восприятия. Основные вопросы: анализ эстетической реакции, текстовые стратегии, направляющие чтение, влияние общественно-культурной жизни на литературный текст. В рамках обозначенного подхода анализируется рассказ «Пьер Менар — автор Дон-Кихота» Х. Борхеса, что позволяет наглядно проиллюстрировать выдвигаемые автором постулаты. Ошибка основных теорий литератур — заключается в том, что, исследуя контекст, идеологию автора, форму, содержание, они часто упускают из виду рецептивный опыт, т.е. само событие текста. Статья опирается на монументальные исследования в этой области констанцской рецептивной школы во главе с В. Изером, Х. Яуссом.**

Долгое время традиционная эстетика и теория литературы подходила к оценке литературного произведения с точки зрения объекта. Различные школы и концепции представляли свое уникальное видение произведения, из-за чего часто возникали теоретические разногласия. Возможно ли объективно оценить произведение искусства? Какое толкование окажется истинно верным? На эти и многие другие вопросы пытается ответить рецептивная эстетика. Данная дисциплина концентрирует свое внимание не на литературном произведении как таковом, а на проблеме художественной коммуникации. Основной тезис: литературное произведение не существует отдельно от его читателя. Акт чтения — это всегда диалог, встреча читателя и литературного произведения.

Предпосылки рецептивного подхода существовали с давних времен. В первую очередь, это теоретическое осмысление художественного восприятия Аристотелем и его понятие катарсиса (очищение души зрителя с помощью аффектов сострадания и страха). Платон говорит о «магнетической силе» искусства, держащей в своей власти воспринимающего, рассуждает о возможном воздействии искусства на душу зрителя и, вследствие этого, необходимости введения цензуры как меры оценки произведения. Существовавшие в древности понятия апатии, симпатии и др. возрождаются в современных литературных теориях, исследованиях многозначности текста и художественной рецепции.

Разработка проблемы восприятия и чтения, намеченная рецептивной эстетикой, имеет под собой твердую теоретическую наследственность. Можно проследить линию преемственности и определенные теоретические отпочкования, лежащие на периферии основной традиции: это феноменология Э. Гуссерля, берущая свои истоки в гештальт психологии, эстетика Р. Ингардена, гештальт теории Ф. Перлза, герменевтика Г. Гадамера и как завершающий этап — рецептивная эстетика Г. Яусса и В. Изера. На другом поле можно выделить ученых-семиотиков, как, например, Р. Барт, У. Эко и Ю. Лотман, исследовавших структуру взаимоотношений человека с искусством.

Тем не менее, сегодня рецептивная эстетика лишь намечает возможные пути своего развития, по-иску более действенного метода изучения литературного процесса. «Роль читателя» — не проблема интерпретации в чистом виде, но проблема со-бытия и

со-творения художественного текста. Литературное произведение выступает как «пластичный тип», осуществляющий себя в виде множества *реализаций*. Прочтений одного и того же произведения может быть крайнее множество, но все они будут существовать в четких границах, заданных формой и содержанием текста. Для рецептивной эстетики важно то, как читатель реагирует, как отвечает тексту, другими словами, что направляет акт чтения, стимулирует читательские чувства, активизирует творческие способности реципиента. Основные вопросы: анализ эстетической реакции, текстовые стратегии, направляющие чтение, влияние общественно-культурной жизни на литературный текст.

Читатель — завершающее звено литературной коммуникации. Текст — цепочка элементов, которые читатель приводит в движение. Испанский литературовед, член международной группы исследователей античной и современной поэтики и риторики А. Л. Эйре, утверждает, что читатель играет главную роль в процессе литературной коммуникации потому, что: 1. литературное произведение — это вид диалога между автором и читателем на базе литературного текста; 2. литературное произведение не существует до тех пор, пока не будет прочитано, принято, прокомментировано и рекомендовано [1].

Большой интерес к проблеме читательского восприятия на протяжении XX века проявляет и ряд писателей (В. Набоков, П. Валери, Х. Бохес, Х. Кортасар, М. Павич и др.); основная цель — стимулировать интерес читателя, сделать его активным участником (персонажем) литературного произведения. Интересна мысль И. Эренбурга о том, что чтение — неотъемлемая часть любой литературной работы, в которой читатель проделывает то же, что сделал писатель: сочиняет, пополняет текст книги своими ассоциациями, воспоминаниями, догадками, чувствами и мыслями [2].

Видный французский писатель Поль Валери в своих критических статьях обращается к проблеме художественного восприятия и роли читателя в литературе. Валери утверждает, что если мы говорим о литературе, необходимо говорить и о читателе. Писатель затрагивает проблемы контекста чтения (характерные черты эпохи, сообщества, культуры, индивидуальные факторы). Литература, по мнению Валери, зависит от манеры чтения, роли чтения в жизни индивида и общества, в котором он живет [3].

Аргентинец Х.Л. Борхес был не только выдающимся писателем, но и видным критиком и теоретиком литературы. Так же, как и Валери, Борхес особое место уделяет процессу восприятия художественного текста. Для Борхеса чтение — это диалог между читателем и книгой.

Произведение Борхеса «Пьер Менар, автор «Дон Кихота» — одновременно и эссе и «настоящий рассказ». Вымышленный персонаж Пьер Менар (представленный как реальный) пытается сочинить «Дон-Кихота». «Не второго «Дон-Кихота» он хотел сочинить — это было бы нетрудно, — но именно «Дон-Кихота». Излишне говорить, что он отнюдь не имел в виду механическое копирование, не намеревался переписать роман. Его дерзновенный замысел состоял в том, чтобы создать несколько страниц, которые бы совпадали — слово в слово и строка в строку — с написанными Мигелем де Сервантесом». Метод был таким: «Хорошо изучить испанский, возродить в себе католическую веру, сражаться с маврами или турками, забыть историю Европы между 1602 и 1918 годами...». Однако от этого метода пришлось отказаться. Надо было остаться Пьером Менаром и все же прийти к «Дон Кихоту». Далее выясняется, что Менар к «Дон Кихоту» все-таки пришел, т.е. тексты «словарно идентичны», хотя смыслы, которые они выражают, как утверждает Борхес, совершенно различны [4]. Вокруг этого парадокса построено все повествование. Литература оказывается реальней самого писателя, т.е. художественный текст оказывается неравным самому себе, предполагает больше смыслов, чем в него собирался вложить автор. Борхес утверждает, что каждый писатель так или иначе повторяет своих предшественников, но каждый из таких повторов подразумевает новые смыслы. Читатель одухотворяет текст, наделяет его своим смыслом, как бы заново переписывает его, следуя за авторским замыслом. Писатель отмечает, что книги «пробуждаются по нашему зову. (...) Когда же мы ее откроем, когда книга найдет своего читателя, это уже эстетический феномен. И (...) одна и та же книга меняется уже потому, что меняемся мы...» [5].

Другой аргентинский писатель Х. Кортасар в своем романе «Игра в классики» через рассказчика говорит, что подлинный и единственный персонаж, который его интересует, это читатель. Автор в начале книги предлагает читателю несколько способов прочтения: 1. читать обычным образом и закончить главой номер 56 (за которой следуют дополнительные главы); 2. следовать данной в тексте «схеме чтения», предлагающей читателю другую последовательность глав, раскрывающую иные перспективы. Также подразумевается, что читатель сам может выбрать манеру прочтения, стать активным соучастником произведения. Х. Кортасар рассказывает, что читатели в письмах присылали свои варианты прочтения романа, в которых произведение представало в новых красках, а смысл произведения видоизменялся.

Все произведения Х. Кортасара, в той мере, в какой их понимал сам автор, рассчитаны только на читателя со-участника, для которого чтение в то же время являлось бы и творчеством. Кортасар призывает читателя самому реконструировать текст из предложенных ему частей, призывает его стать «сообщником», «товарищем в пути». Автор через свое alter ego — писателя Морелли так выражает эту мысль: «Читатель мог бы стать соучастником, страдающим тому опыту, через который проходит писатель, в тот же самый момент и в той же самой

форме». Задача не взнуздывать эмоций или каких-либо других чувств, но дать реципиенту строительный материал, «глину», на которой лишь в общих чертах намечено то, что должно быть сформировано, и которая несет в себе следы чего-то, что, возможно, является результатом творчества коллективного, а не индивидуалистического. «Это как бы фасад с дверями и окнами, за которыми творится тайна, каковую читатель-сообщник должен отыскать (в этом-то и состоит общность), но может и не отыскать (в таком случае — посочувствуем ему). То, чего автор романа достиг для себя, повторится (многократно, и в этом — чудо) в читателе-сообщнике» [6].

Книга начинает существовать, только когда ее открывает читатель. Так «Хазарский словарь» М. Павича начинается с белой страницы, на которой изображен могильный камень со словами: «На этом месте лежит читатель, который никогда не откроет эту книгу. Здесь он спит вечным сном».

Другие романы писателя: «Пейзаж, нарисованный чаем» — роман-кроссворд, который надо читать то по вертикали, то по горизонтали; «Последняя любовь в Константинополе» — роман, построенный по схеме гадания на картах Таро: элементы текста надо тасовать и читать на манер раскладывания пасьянса. Структура этих романов предлагает читателю большое количество «дорог» прочтения, стремится уравнивать в правах автора и читателя.

Какую цель преследуют современные авторы, создавая произведения с фрагментарной и порой хаотичной структурой? Новаторские методы авторов (коллаж, монтаж, роман-лабиринт, роман-кроссворд) — это, в первую очередь, попытка привлечь к творчеству читателя, разбудить его мышление, стремление через него открыть новую глубину художественного мира.

Литературное произведение ассоциируется у авторов с картой, дорогой, путем или домом с множеством залов и комнат, в который можно войти с разных сторон и исследовать шаг за шагом. Причем каждый читатель будет по-своему проходить по тому или иному литературному маршруту: выделять как значимое одно и опускать другое, пробуждать к жизни уникальные ассоциации, по-своему реальность произведения. Такое чтение — путешествие, особая «литературная практика», направленная на познание действительности, развитие художественного мышления.

Современные работы по теории литературы и рецептивной эстетике в качестве анализа предпочитают произведения современных авторов, утверждая, тем не менее, что их структурные особенности и специфика восприятия — это крайние проявления тех явлений, которые определяют и произведения классической литературы.

Мы делаем вывод, что литературное произведение не равно самому себе, всегда подразумевает больше, чем в него вкладывает реципиент или же автор, несмотря на свою целостность, содержит в себе множество возможных прочтений. Таким образом, в первую очередь следует говорить об автономности произведения. Исходя из этого положения, в эстетике середины XX века выдвигается концепция «смерти автора», где автор как историческая личность утрачивает свое значение, т.е. критика отказывается от объяснения текста, исходя из обнаружения в произведении «ипостаси Автора» как носителя некой истины произведения и утверждает его многозначность. Автор и читатель практически уравниваются в правах: смысл текста появляется только

в процессе «чтения-письма» (чтения — сотворчества), которое в теории Р. Барта соответствует «*тексту-письму*» и, в свою очередь, противопоставлено «*тексту-чтению*». «*Текст-письмо*» направлен на раскрытие внутреннего потенциала текста, в то время как «*текст-чтение*» — это продукт, ограниченный строгими смысловыми рамками, рассчитанный на *считывание* единого установленного смысла [7]. Ярко идея «чтения-письма» проиллюстрирована в рассказе «Пьер Менар, автор Дон-Кихота», где главный персонаж отказывается читать текст традиционным способом и в попытке приблизиться к авторскому замыслу начинает его переписывать, сопровождая свое письмо устными ассоциациями и анализируя спорные моменты. Переписав несколько глав из романа «Дон-Кихот», Пьер Менар не искажил ни одного слова, но смыслы, которые он извлекает благодаря своему острому уму и изобретательности, оказываются отличными от тех, которые был извлек из текста современник Сервантеса или любой другой читатель с отличным жизненным опытом. Чтение оказывается глубоко интеллектуальной работой, дарящей наслаждение, и которая не только не уступает письму, но и может его превосходить.

Основная мысль концепции «смерти автора»: человек поработен «диктатом истины» — идеологии социума, что не дает возможности услышать и выразить свой собственный голос, т.е. творчески реализовать себя в процессе чтения. Акт чтения необходимо понимать как «сотворение». Основная теоретическая задача: дезорганизовать искусственно созданную логику единственно возможного значения, раскрыть читателю множественность и открытость текста.

Идея «смерти автора» — это не радикально новое теоретическое положение, но скорее, отражение современного состояния творческого процесса. Видный перуанский прозаик В. Льюис отмечает, что одной из основных заслуг знаменитого французского философа и теоретика литературы Р. Барта, выдвинувшего концепцию «смерть автора», является то, что он показал, как надо читать, понимать и ценить современные экспериментальные произведения типа «Смена кожи» О. Паса или «62 модель для сборки» Х. Кортасара [8]. Продолжая мысль В. Льюиса, можно утверждать, что теория «смерти автора» — это ответ актуальному состоянию развития культуры, где воспринимающий субъект полностью поработен диктатом масс-медиа и социальных институтов, загоняющими его в жесткие рамки потребителя. Такое состояние жизни общества проистекает из «тоталитарного мышления», которое не подразумевает волевого голоса, т.е. возможности ответа. Задача современного автора — «разбудить» читателя, добиться для него оптимальной степени свободы, создать через произведение условия, отвечающие логике познания. Чтение как сотворчество — это не потребление, не желание получить от книги легкое удовольствие, но соучастие.

Концепция «автономности» искусства, возможности диалога с реципиентом была сформулирована еще А. Гумбольдтом: «Всякое произведение искусства, как и создавшего его художника, можно рассматривать как самостоятельный индивид. Это живое целое. Оно имеет внутреннюю силу и жизненный принцип, благодаря которому оно воздействует определенным образом» [9]. Произведение искусства — это полноправная личность, обладающая не только специфическим мышлением, но и жизненной активностью. Произведение становится частью се-

миосферы, способной не только пластично подстраиваться под культурный контекст, но и самой вести активную жизнь в ее пространстве. Хорошо эту мысль сформулировал русский художник-авангардист В.В. Кандинский: «Истинное произведение возникает таинственным, загадочным, мистическим образом «из художника». Отделившись от него, оно получает самостоятельную жизнь, становится личностью, самостоятельным, духовно дышащим субъектом, ведущим также и материально реальную жизнь; оно становится существом.(...) Оно живет, действует и участвует в созидании духовной атмосферы» [10]. Процесс восприятия произведения искусства — это разговор двух реально существующих и мыслящих субъектов.

Что касается теории Р. Барта, то она становится значима в развитии семиотики, проясняет ряд важных моментов «игры структуры» и процесса означивания текста. Для рецептивной эстетики основным является положение о «прозрачности границ» между текстом и читателем, т.е. возможности взаимопроникновения различных элементов дискурса, возможности «множественного прочтения», что не означает языкового и смыслового хаоса, но является залогом новых конфигураций «чтения-письма» (чтения-сотворчества). Свобода такого разговора относительна и в каждом конкретном случае ограничивается рамками диалогических отношений текста и читателя, вписанных в контекст эпохи. Важно понимать, что диалогичность отношений «текст-читатель» утверждает их как равных собеседников, а «прозрачность границ» определяет «открытость» разговора.

Процесс восприятия сопровождается сопоставлением возможных смысловых компонентов в рамках высказывания; определяется динамическими отношениями между текстом и читателем, где каждого можно рассматривать как отдельную подвижную структуру.

Ю. Лотман определяет феномен рецепции как диалог с текстом. Текст — это «интеллект», требующий наличия собеседника. Интеллектуальный потенциал диалога прямо пропорционален интеллекту его участников. Ученый утверждает, что между текстом и читателем существует диалогическая связь: «Текст ведет себя как собеседник в диалоге: он перестраивается (в пределах тех возможностей, которые ему оставляет запас внутренней структурной неопределенности) по образцу аудитории. Адресат отвечает ему тем же — использует свою информационную гибкость для перестройки, приближающей его к миру текста» [11]. Конечный смысл — результат взаимодействия текста и читателя. Для движения вперед, для жизни такого диалога необходима открытость текста и сознания индивида. Аргентинский писатель Х. Кортасар обращается к читателю: «Что Ван Гог твой восторг? Он хотел, чтобы ты стал с ним заодно, чтобы ты нашел в себе силы, как он когда-то, без страха взглянуть в Гераклитов огонь» [12]. Разговор произведения и читателя возможен только при творческой интенции последнего. Реципиент осознает текст как живой, подвижный организм, обладающий огромным интеллектуальным потенциалом, который раскрывается только через активную авторскую позицию.

Отношения «текст-читатель» — это не разговор двух систем в режиме «вопрос-ответ», но диалог смыслов и контекстов, образующий многомерность литературного произведения. Читатель приводит элементы текста в движение, образуются раз-

личные смысловые связи и единства. В процессе рецепции художественное целое оживает. Внутри произведения сосуществуют различные смысловые единства, движение и переплетения которых напрямую зависят от соприкосновения с внешним миром читателя и его общей семиосферой. Т.е., говоря об актуализации произведения, мы говорим о тексте и читателе как об одном организме внутри которого через пассивный синтез различных смысловых единств выкристаллизовывается единая ситуация высказывания.

Рассматривая чтение как смысловую ситуацию, основывающуюся на диалогических отношениях, мы приходим к следующим выводам:

1. Текст — высказывание, существующее в многомерной контекстуальной ситуации. 2. Ситуация высказывания — смысловая плоскость (различные пространственно-временные плоскости), в которой *сосуществуют* однородные и разнородные смысловые единства. 3. Сосуществование — смысловая связь художественных элементов, обладающих способностью к организации различных смысловых единств, порождению новых значений. 4. Образ читателя изначально включен в произведение, определяет собой обратную сторону авторского замысла, включенного в текст.

Акт рецепции не ограничивается расшифровкой денотативных элементов, подразумевает глубокие ассоциативные и коннотативные связи как внутри, так и вне текста. Текст на лингвистическом уровне — всего лишь средство передачи определенной информации, т.е. — герметическая оболочка, которую раскрывает читатель. *На лингвистическом уровне текст — вещь, на внелингвистическом — смысл.* Диалогические отношения связаны с пониманием, со смыслом, разворачиваются во внелингвистической плоскости, которая есть ситуация мысли. Венчающим звеном сосуществования смысловых элементов текста выступает читатель, воспроизводящий и понимающий произведение.

Чтение — понимание другого субъекта. М. Бахтин отмечает, что необходимо различать отношение к вещи и отношение к смыслу, воплощенному в слове или любом другом знаковом материале. «Отношение к вещи, к ее чистой вещественности не может быть диалогическим (...). Отношение к смыслу всегда диалогично» [13]. Мы говорим о тексте как о другом субъекте потому, что его материал — живые, подвижные смысловые элементы, с которыми вступает в общение читатель. Смысловые элементы способны хранить, передавать, вбирать в себя информацию, вопрошают как отдельного читателя, так и социум в целом. Текст раскрывает свой интеллектуальный потенциал только через предрасположенность читателя к разговору. Таким образом, отношение к смыслу — это обращение к другому субъекту; реципиент одухотворяет текст. Читатель ни в коем случае не говорит сам с собой, но оказывается в ситуации общения с реально существующими смыслами, которые способны провоцировать и вопрошать. Правильно утверждение Х. Кортасара о том, что «ничто не завершается и не начинается у того, кто живет в системе, которую определяет лишь сиюминутная сетка координат» (12, 168). Незавершенность текста всегда существует только для читателя и вместе с читателем, так же как и звучание текста — всегда талант и чуткость реципиента, его способность к адекватному творческому воспроизведению. Т.е. именно интенциональность читателя, его стремление к познанию будет залогом становления текста,

внутри которого проявляется пространство для образования новых связей.

Диалогический характер рецепции отсылает нас к проблеме многозначности текста и конкретности прочтения литературного произведения.

Противоречие рецепции текста заключается в том, что восприятие не может быть исчерпывающим, носит выборочный и односторонний характер, а произведение по своей природе многозначно. Реципиент всегда мыслит произведение как определенную систему, поддающуюся познанию и определяющуюся внутренней логикой. Система ограничивает поле возможного восприятия, но так же упорядочивает, делая его доступным. Это не означает сведение смысла к диктату единственного значения, но создает условия, в рамках которых могут сосуществовать смысловые элементы произведения и быть доступными читателю. Произведение, в свою очередь, имеет такую структуру, которая специфицирует себя (подстраивает) для читателя согласно с формой логической системы. Литературное произведение во всем многообразии возможных интерпретаций построено таким образом, который позволяет при чтении обнаружить полное согласие и по средствам соединения разных смысловых пластов воссоздать его целостный образ.

Так, на одном полюсе мы имеем многозначность художественного текста, на другом — односторонний характер восприятия. Ограниченность восприятия не сводит произведение к одному значению, но предполагает другие смыслы, которые в данном прочтении выносятся за скобки, что оставляет тексту его прерогативу быть открытым. Читатель понимает, что пространство диалога не может быть исчерпано, всегда остается определенная двусмысленность и недосказанность, что легко доказывается повторным прочтением данного текста, при котором диалог будет проходить уже в других обстоятельствах и скрывать за собой другие смыслы. Как отмечает Р. Барт, задача реципиента — попытаться уловить и классифицировать (ни в коей мере не претендуя на строгость) не все смыслы текста (это было бы невозможно, поскольку текст бесконечно открыт в бесконечность: ни один читатель, ни один субъект, ни одна наука не в силах остановить движение текста), а скорее те формы, (...) через которые идет возникновения смыслов. (...) Наша цель — помыслить, вообразить, пережить множественность текста, открытость процесса означивания [14]. С точки зрения читателя, важно само представление об открытости диалога, возможности высвечивания новых перспектив. В этом отношении ситуация чтения практически адекватна ситуации познания, где представление об открытости является основным условием развития научной идеи.

Ошибочно ограничивать текст «единственным значением». Теория «единственного значения», как правило, основывается либо на отсылках к внешнему контексту (референтивной функции), либо на идеологии, что закрывает, обесценивает текст. Очевидно и то, что весь потенциал текста невозможно раскрыть за одно прочтение, но важно само представление о многозначности, представлении о тексте не как о диктате идеи или истины, но как об открытом в мир интеллекте, как о вечно становящемся событии, что определяется личностной интенцией реципиента.

Таким образом, следует избегать основных заблуждений рецептных теорий: 1. крайний прагматизм: произведение имеет один способ его воспроиз-

ведения, который соответствует, как правило, авторской (критической) идее о произведении; 2. крайний субъективизм: каждый читатель волен по-своему интерпретировать текст; воссоздавать текст, подменяя его смысловую основу. В первом случае речь идет о «насилии над текстом», считыванием а-приори заданного смысла, во втором — о вседозволенности интерпретации, где текст лишается не только своей истории, но и искажается авторский замысел. Таким образом, в обоих случаях диалог в системе «текст-читатель» рушится, в результате чего читатель не понимает или искажает смысл написанного. В своем рассказе «Пьер Менар, автор Дон-Кихота» Борхес показывает, что проблема рецепции лежит в диалогическом характере произведения, а текст следует понимать не как застывшее явление, но как вечно становящийся и открытый для интерпретации феномен. На Пьера Менара, главного героя рассказа, решившего переписать «Дон-Кихота», оказали влияние два текста «неравного достоинства»: фрагмент из Новалиса, где говорится о полном отождествлении написанного с неким автором, и, с другой стороны, — один из тех текстов, которые к примеру, меняют местами авторов и героев, помещают Гамлета на Кеннебьер, а Дон-Кихота на Уолл-Стрит. Новалис утверждает, что, может быть, убежден, что понял автора, только если он в силах полностью отождествиться с ним в любом движении духа, если он способен, не искажая его «своеобычности», перевести и преобразить его на сто разных ладов [15]. Герой Борхеса, переписывая текст, пытается посмотреть на Дон-Кихота глазами Сервантеса, что из-за различия контекстов становится невозможно, но благодаря чему у Пьера Менара устанавливается такой контакт с текстом, в результате которого у него складывается собственное понимание романа, актуальное и важное для него прежде всего как мыслящего субъекта. Пьер Менар воображает, вдумывается в произведение, таким образом приближается к авторскому замыслу, который не есть конечный смысл, но — проводник по тексту, а ситуация диалога «текст-читатель», которая разворачивается в акте рецепции, создает условия для его субъективного и творческого понимания. Опыт Пьера Менара отличается от опыта Сервантеса, от опыта его современников, и поэтому логично утверждать, что при встрече с опытом литературного произведения, с его историей смысл произведения меняется.

Критика, теория литературы не могут ограничить произведение единственным прочтением, не должны накладывать на читателя жесткие категориальные рамки, но, наоборот, вдохновлять читателя на творческое прочтение. Не надо впадать и в излишний релятивизм, где теорию многозначности сводят к

хаосу прочтений. Суть вопроса — понять, что литературное произведение многозначно потому, что находится в постоянной взаимосвязи с внешним миром, с читателем. Акт чтения — это разговор, встреча опыта произведения и читателя. Такие художественные памятники, как «Гамлет», «Божественная комедия», «Дон-Кихот» и др., служат ярким тому подтверждением. Эти тексты до сих пор вызывают полемику среди критиков, служат основой для теоретических анализов, вдохновляют авторов на создание собственных произведений, а ученых и философов наталкивают на новаторские идеи. Читательский отклик на эти произведения говорит об их глубоком интеллектуальном потенциале, «нескончаемом разговоре» читателя и автора, результатом которого является культурное становление не только отдельного индивида, но и общества в целом.

#### Библиографический список

1. Eire A.L. *Retyrica clásica y teorna literaria moderna*, Madrid: Arco, 1997. P. 51.
2. Эренбург И. Доверенное лицо читателя // Человек читающий, Homo Legens. // Сост. С.И. Бэльза, М.: Прогресс, 1989. С. 78-81.
3. Валери П. Об искусстве, М., Искусство, 1993.
4. Борхес Х.Л. Харьков: Фолио, 1999. С. 82-87.
5. Борхес Х.Л. Поэзия // Человек читающий, Homo Legens. // Сост. С.И. Бэльза. М.: Прогресс, 1989. С. 403.
6. Кортасар Х. Игра в классики: роман, СПб: Амфора, 2002, С. 414-417.
7. Барт Р. S/Z // Вступительная статья: Г.К. Косикова, М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 32-33.
8. M Llosa, *contra viento y marea*, Barcelona: Seix Barral, 1983.
9. Гумбольдт А. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. С. 224.
10. Кандинский В.В. О духовном в искусстве. М.: Архимед, 1992. С. 99.
11. Лотман Ю.М., Семиосфера, Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2004. С. 219-220.
12. Кортасар Х. Я играю всерьез. М.: Академический проект, 2002. С. 78.
13. Бахтин Н. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. с. 492.
14. Барт. Р. Избранные работы // Вступительная статья: Г.К. Косикова, М.: Прогресс, 1989. С. 426-426.
15. Борхес Х.Л. Проза разных лет. М.: Радуга, 1984. С. 289.

**КОВЫЛКИН А.Н.**, аспирант.

Статья поступила в редакцию 26.12.06 г.

© Ковылкин А. Н.

## Книжная полка

**Гиленсон Б.А. История зарубежной литературы конца 19 — начала 20 века:** учеб. пособие / Б.А. Гиленсон. — М.: ИЦ «Академия» 2006. — 480 с.

В учебном пособии освещается одна из наиболее интересных, художественно богатых эпох истории мировой литературы, которая охватывает время от 1860 — 1870-х годов до окончания Первой мировой войны. Характеризуются такие философско-эстетические течения, как натурализм, символизм, импрессионизм и др., а также феномен «новой драмы». Прослеживается взаимодействие словесного искусства с философией, живописью, музыкой.

Для студентов филологических факультетов вузов. Пособие будет полезно для преподавателей старших классов школ и гуманитарных колледжей, а также для всех читателей, интересующихся мировой литературой и культурой.

Рекомендовано УМО.